

Игорь Изборцев (Игорь Александрович Смолькин) родился в 1961 году в городе Пскове. Окончил Ленинградский политехнический институт. Работал мастером в стройуправлении, журналистом, занимался бизнесом. Публиковался в ведущих литературных журналах России и зарубежья. Автор многих книг прозы, автор-составитель более 30 книг православной тематики. Лауреат литературных премий им. А. Невского, им. В. Шишкова, «Слово-2019», «Золотой Витязь» и др. Награжден орденом Пушкинской медалью, дважды номинант Патриаршей премии. 20 лет возглавлял Псковскую организацию Союза писателей России. Живет в Пскове.

Игорь Изборцев

ГОРНИСТ ОРАНЖЕВОЙ ЗАРИ

Повесть о детстве

*Мы были счастливы. Мы были
обыкновенными детьми,
но мы летали, не ходили,
мы были счастливы, пойми!*

С. Соложенкина

-Ревет, как Иерихонская труба, помилуй Бог!
Бабка Дульсинея восклицала это всякий раз, когда на ближайшем железнодорожном разъезде гудел паровоз. Выходило по двадцать раз на дню. Виталька, как был поменьше, с трудом выговаривая название, спрашивал:

— Баб, что это за Рихонская труба?

Старушка грозилась ему пальцем и указывала куда-то в пространство — иногда в сторону не видимого с их двора железнодорожного вокзала, иной раз на дом Громувых, которых в округе прозывали «куркуляками», или просто на низкие ленивые облака, цепляющиеся туманными краями за дальний забор участка Гавриловых. Если был закат, то облака окрашивались в киноварь, а если заря, то все становилось оранжево-оранжевым, как будто ты еще спишь и продолжаешь видеть сон... Поэтому и воображался Витальке большой, до полнеба, оранжевый горнист, трубящий в

пионерский горн. Тогда Виталька готовился вступать в пионеры и мечтал о сверкающем «медным мундиром» революционном горне и спартаковском барабане. Он напевал любимую песню:

Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев, смелых бойцов...

Украдкой плакал, потому что барабанщик погиб и, хотя песня о нем не умрет, барабанщика было жалко. Виталька представлял, что барабанщик это он, и это он погиб. Мама и бабушка плачут, а папа отдает пионерский салют: «Будь готов! Всегда готов!»

Теперь Виталька сам стал пионером, и уже несколько раз маршировал пионерским строем по школьному двору. И его галстук был ярко-красным, как боевое знамя, как кровь Мальчиша-Кибальчиша...

— Что твоя Иерихонская труба! — опять проворчала бабка Дульсинея.

Виталька приложил ко рту воображаемый горн и протрубил «сбор на обед». Губами он выдавал громкое «тра-та-та» и «тру-ту-ту».

— Хватит, оголец! — сердито махнула на него рукой бабка Дульсинея. — Иди-ка вон щей налью.

Вообще-то бабку звали Дуся, и была она Витальке не настоящей бабушкой, а двоюродной. Дульсиной прозвала ее соседская девчонка Маринка, приносившая иногда из ж/д библиотеки толстые книжки и рассказывающая потом Витальке занимательные истории про Таинственный остров и пиратского капитана Блада. Однажды поведала про рыцаря печального образа Дон Кихота и его даму сердца Дульсиною Тобосскую.

— Дон Кихот — как дядя Петя длинный с переулка Путейца, — рассмеялась она, — а Дульсинея... — Маринка сделала загадочное лицо, — она... как твоя бабка Дуся! — Маринка прыснула от смеха и закричала, повторяя: — Дульсинея, Дульсинея, Дульсинея!

Так баба Дуся стала бабушкой Дульсиной. Приехала она к ним года три назад, когда заболел от открывшихся фронтowych ран дед Валера. Он уж несколько лет пребывал вдовцом, невестка его Галина, Виталькина мама, как и его сын, Виталькин папа, работала на машиностроительном заводе, где и выходные-то бывали не во всякую неделю. Вот и пришлось досматривать за дедом его родной сестрице, тоже вдовице, из города Дятьково. Дед Валера вскоре умер, а бабка Дульсинея прижилась и осталась у них.

Наверное, в Дятьково не видывали паровозов, потому что старушка жутко их боялась и всякий раз, услышав гудок, крестилась и поминала Иерихонскую трубу. Была она полной, невысокой, с длинной седой косой, которую укладывала улиткой на затылке. Но при всей своей полноте, отличалась она живостью, подвижностью и постоянным желанием куда-то бежать. То к Ивановым за козьим молоком, то в железнодорожный магазин или на колхозный рынок, а то в далекий храм. Причем испытывала она странное желание тащить за собой куда ни весть внука Витальку. Тому это было в тягость, и он наловчился прятаться от бабуси в густые заросли крыжовника, куда загодя сделал скрытный пролаз. В его тайное место посторонним входа не было по причине огромных колючек, безжалостных и злых, как все вместе взятые жучки района.

На кухне с поблекшими желтыми обоями, самодельной полкой на

стене, загруженной кастрюлями и тарелками, рано вернувшийся из школы Виталька сел за длинный стол, сработанный дедом Валерой из дуба, и пока бабка готовилась налить в расписанную красными цветами миску щи из щавеля, запел еще одну свою любимую песню:

Орлята учатся летать,
Им салютует шум прибоя,
В глазах их небо голубое...
Ничем орлят не испугать!
Орлята учатся летать...

Он дирижировал ложкой, потом превратил ее в советский истребитель Як-9 и, изображая, как летчик Василий Животовский сбил последний фашистский самолет, спикировал прямо в половник, который бабушка подносила к его миске. Фашист рухнул на землю, то есть на ска-терть, и превратился в мокрое пятно...

— Батюшки-светы! — запричитала старушка. — Что творишь? Вот тебя ремнем, паршивца!

— Фашиста бью, — хитро прищурился Виталька, — как дед Валера!

— Фашиста он бьет, — уже спокойнее проворчала бабка, вытирая пролитые щи. — Да ты больше на отца похож, копия просто, чем на деда. — Она погладила его рукой по густой пшеничной шевелюре. — А тот задал бы тебе по-фронтовому, по-солдатски! Ешь и за уроки.

— Сделал уже, — быстро хлебая суп, отбоярился Виталик. — Я к дяде Саше Стрельникову обещал, у нас уборка в мастерской.

Он вышел на крылечко. Апрельский теплый денек тут же обнял его за плечи. Солнце так ярко улыбнулось, что Виталька зажмурился. Вот бы сейчас туда к солнцу, к звездам. У соседей Молчуновых как раз об этом на всю Ивановскую гремело радио:

— Впервые в мире советский межпланетный космический аппарат «Венера-5» достиг Венеры. Слава советской космонавтике! Утром нос буржуазии!

Виталька переполнился восторгом. В какой стране живет! В нем вспыхнул такой пожар счастья, что еще секунда, и он сгорел бы дотла или улетел прямо в космос на Венеру... Он закричал во всю мощь легких десятилетнего советского школьника:

Я — Земля!
Я своих провожаю питомцев,
Сыновей,
Дочерей.
Долетайте до самого Солнца
И домой возвращайтесь скорей...

И с песней помчался по плотно утопанному двору, размахивая воображаемой пашкой, как Командарм Первой Конной армии маршал Семен Михайлович Буденный. Пока бежал до некрашеного, потемневшего от времени деревянного сарая, переключился на другую песню:

Но жизнь не зря зовут борьбой,
И рано нам трубить отбой! В бой! В бой!

У двери, собранной из дубовых плашек и подбитых медными заклепками, остановился. Такую мог смастерить только дед Валера, который, кажется, родился с топором и рубанком в ладонях. В этих руках и пила, и трехлинейка спуют и станцуют — на радость друзьям и зависть недругам.

Прежде чем войти, огляделся по сторонам. У своей конуры скучал пес Черныш. Поймав взгляд хозяина, звякнув цепью, вскочил, завилал хвостом и подхалимски затывкали. Все бы ему хлеба, да на волю, гулять. Не до тебя! Виталька осторожно проскользнул внутрь, включил свет. На верстаке и на стене над ним выстроился по ранжиру весь дедов рабочий инвентарь. «Струмент», — как говорил о нем сам дед Валера. Рубанки, напильники, стамески, резцы, ножовки, резачки, струбины, плоскогубцы, кусачки, клещи, отвертки — у каждого «струмента» было свое место, свой пост. Разводящим у всех этих бойцов трудового фронта был один — дед Валера. Отец заходил сюда редко, он больше любил работать по металлу, вытачивая что-то на своем заводском токарном станке, а на дворе лишь коллол дрова, укладывал их под навес, засыпал в давно пустующий хлев (козу и борова в нем держали, пока дед Валера был в силах) торфяные брикеты для топки печей, а всякую уцербину в хозяйстве ремонтировал без охотки, словно из-под палки. Теперь «струмент» скучал — не стало разводящего, гвардии рядового Валерия Кузьмича Игнатова, освободившего Варшаву и взявшего Берлин. Вспомнив о дедe, Виталька вскинул руку в пионерском салюте, застыл на несколько секунд, потом задумчиво оглядел все это трудовое богатство. Ничего, когда-нибудь и он научится мастерить и поставит бабке Дульсинее новый дом, хватит ей уютиться за печуркой в закутке.

Ладно, за дело! Он протиснулся в узкий проход между верстаком и высоким шкафом, также сработанным руками дедa Валеры. Здесь стояли банки с разнокалиберным крепежом — гвоздями, шурупами, болтами и гайками. А за шкафом в тайнике хоронилась красная жестяная коробочка с надписью на крышке наискосок: «Госпищетрест. Ленинград». Коробочка с секретиками! На торце читалась еще одна надпись: «Монпансье „Г. Ландрин“. 1930». Конфет этих Виталька сроду не видывал. Коробку привезла из Дятьково бабка Дульсинея. Хранила она там нитки, иголки, булавки и прочую дребедень. Витальке она сразу приглянулась. Он давно подумывал, куда бы ему сложить свои секретики? Так вот же самая подходящая вещь! Намекнул бабке: не отдаст ли? Нет, не отдаст! И что делать? Украсть? На это пойти Виталька не мог — он же будущий пионер! А вот поменять — это да, это справедливо! У дяди Саши Стрельникова выпросил ненужную тому коробку из-под обуви, старательно раскрасил ее гуашью, нарисовал домик с трубой, собаку и кошку. Закончив подготовку, пробрался в бабкин закуток и поменял «монпансье» на свою красивую поделку. Вот же порадуетя бабуся! Он ничуть в этом не сомневался. Ведь у него и собака, и кошка, и труба, а у нее какой-то «Госпищетрест». Что там, трещат что ли?

Вышло все иначе. Бабушка плакала, причитая, что это подарок от покойного мужа. Виталька, выпоротый отцом, тоже плакал. Мама пила валерьянку. Отец не отходил от Витальки, помахивая ремнем и грозя опять пустить его в ход. Но Виталька не сдавался:

— Все по-честному, — ныл он. — Там и собака с конурой, и дым из трубы и кошка, даже мышка есть...

— И мышка есть? — вспыхнул отец и замахнулся ремнем...

— Хватит! — закричала вдруг бабка Дульсинея.

Наверное, так кричали у них в Дятьково, когда случался пожар?

— Хватит! — повторно крикнула она еще громче. — Пусть забирает монпансье, а кошка с мышкой будут у меня, найдется кому в последний путь проводить.

Так «Госпицгерст» на законных правах остался у Витальки, но он все равно его надежно спрятал. Мало ли что?

Он достал заветную коробочку, положил перед собой на верстак. Открыл. Все секретники, конечно же, оставались в целости и сохранности: три очищенные до блеска гильзы от винтовки Мосина, две гильзы от немецкого карабина 98к, гильза от Вальтера Р38, россыпь разнокалиберных пуль, знак «Парашютист отличник ВДВ СССР 8 прыжков», офицерская кокарда, красноармейская звезда на пилотку с серпом и молотом. Виталька коснулся своих сокровищ пальцами, подвигал, как костяшки игры в 15, мечтательно подумал о том, чем мог бы пополнить свою коллекцию; потом, вспомнив, достал из кармана штанов гильзу от пистолета ТТ и присовокупил к общему собранию. Теперь все. Он закрыл коробку и отправил на свое место в тайник.

Каждый его секретик имел особенную историю. Мосинские гильзы, к примеру, он в школе выменял на марки от долговязого Витьки Горохова — хулиганистого семиклассника с вечными фингалами на малосимпатичном чуть рябом лице; немецкие гильзы — подарил дядя Саша Стрельников, знак парашютиста — дар отца, это он, когда служил в ВДВ, совершил эти восемь прыжков. Горсть пуль — от Юрки, младшего из братьев Гавриловых. Тут получилось вот что... Юрка — среднего роста, черноволосый, темноглазый, с узким невыразительным лицом — недавно демобилизовался из армии, три года отслужив в пехоте. Вернувшись, по началу ходил в форме, а Виталька за ним хвостиком — у пацанов в почете было даже рядом с солдатом пройти. Но Юрка с этой формой влип, что называется, по полной. Выпил лишку с мужиками в привокзальной пивнухе и пошел гоголем по перрону. Откуда ни возьмись патруль. Его под белы руки и в комендатуру, а выяснив, что он уже гражданский, надавали люлей и передали в линейный отдел милиции, там люлей добавили, хотели на пятнадцать суток определить, да выручил старший Гаврилов — подполковник запаса, фронтовик.

— Тебе, Гаврила Петрович, как герою и гордости района Завокзалья отдаем сына на поруки, — докладывая начальнику отдела майор Гребешков, — ты уж проучи шельмеца, а то ведь мундир позорит.

Гаврила Петрович промучил: гонял сына, даром что тот мужик-демебель, вождями по всему переулку с приговоркой «отца не позорь, форму не позорь, по хритонам не пей!»

Так что люлей Юрка огреб выше некуда. Форму с тех пор убрал подальше, оставив от всей амуниции только солдатский ремень, приспособив его к брюкам. На этот-то ремень и положил глаз Виталька, все поглядывал да посматривал. Он подмигивал Юрке, указывая подбородком на солдатскую пряжку, но Юрака даже не злился, он просто не обращал на соседского мальчишку внимания. Ведь что такое для городского парня солдатский ремень? Он тебе в сложной ситуации и нож финский заменит, и арматуру, и даже кол. Вот двое на тебя нападают в темно закоулке, а ты ремень на руку намотаешь и давай пряжкой — и одного, и второго. Работает не хуже, чем кистень! Так что ремень свой Юрка ни в жизнь не продал бы, не поменял и, тем более, не подарил. Напрасно Виталька из кожи вон лез.

Но подарка все-таки дождался.

— Накося тебе! — сказал как-то Юрка, отсыпая ему целую горсть пуль. — Тут всякие — и наши, и фашистские, мы с пацанами на Ваулиных высотах накопили, там бои страшные были во время войны. Один пацан вообще «Шмайссер» нашел, вместе потом пуляли по кустам.

— Вот это да! — воскликнул Виталька. — Мне бы такой!

— Мал еще! — строго оборвал его Юрка. — Когда вырастешь — займешь. Хотя... когда ты вырастешь, мы уже состаримся и умрем. А пока владей пулями. Смотри поосторожней с ними, а не то подзорвутся!

Юрка расхохотался, похлопал Витальку по плечу и пошел в привокзальную пивнушку, где, вопреки воле отца, бывал теперь частым гостем...

Со звездой же вообще вышла странная история. Помогал он однажды дяде Саше Стрельникову, чистил клетку для нутрий, грязь с пола выметал, и нашел на полке в самом уголке эту солдатскую звезду с пилочки. Морковная эмаль вся потрескалась, словно били звезду о камни, но серп и молот остались целыми.

— Что это? — спросил он у дяди Саши.

— Да так, — усмехнулся тот как-то не по-доброму, — у одного покойника одолжил. Ему не пригодилась! — дядя Саша в задумчивости хлопнул правым кулаком в открытую ладонь левой руки.

— Как это? — не понял Виталька. — Какому покойнику?

— Что? — встрепнулся, словно проснувшись, дядя Саша. — Да шучу! — и уже весело воскликнул: — Пойдем, медали покажу, у меня и «За отвагу» есть. А звезду можешь оставить себе, мне за ненадобностью.

Так Виталькина коллекция секретиков пополнилась ценной вещью — боевой красноармейской звездой...

Во дворе он опять чуть не оглох. Это у Молчуновых продолжало греметь радио:

Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца допеть.
В дальний путь собрались мы,
А в этот край таежный
Только самолетом можно долететь.

Тут еще и Черныш поддал жару, загавкал, как сигнал воздушной тревоги. Он вообще-то не отличался ростом и псиной статью, но лаял громкогласно. Когда отец работал в ночную, мама запирала Черныша в сенях. Коли придет чужой, Черныш из-за двери так рявкнет, что волкодав позавидует. Кто же на такую псину поперет? Дураков нет. Но если из переулка через забор посмотреть, так обычный двортерьер. В такого не страшно и камнем бросить, и палкой. И бросали. Как раз сейчас мимо их дома проходил Олег Панков, мужик лет тридцати по прозвищу Пан. Работал он на железной дороге то ли сцепщиком вагонов, то ли еще кем. Бабка Дульсиня называла таких мазутниками, потому что вечно ходили в замасленных штанах и куртках, с мазутными руками. А этот вдобавок по-свистывал на ходу, поэтому прозывался бабкой еще и свистуном. Но мазутник и свистун — это полбеда. Пан отличался скверным характером, слыл пьяницей, хамом и забиякой, успевшим три года отсидеть за «хулиганку». Невысокий, но цепкий, жилистый и очень злой — на районе некоторые его побаивались.

— Эй, заткнись, псина, тифон¹ тебе в глотку! — крикнул он в сторону Черныша и швырнул в него камень.

Тот, срикошетив от крыши будки, едва не угодил в застывшего в растерянности Витальку. Что делать? Звать бабку? Самому кинуться на хулигана? А вдруг побьет? Но ведь пионеры не боятся? Пока раздумывал, свистун-мазутник Пан уже прошел дальше по переулку. У дома Стрельниковых его облял кавказец Мухтар, но с таким не забалуешь. Сорвется

с цепи — загрызет. Пан, хотя и поддатый, это понимал, потому без лишнего шума прошел мимо.

Черныш продолжал гамкать, хотя уже на меньших оборотах. Виталька потрепал его за ухом. Ну что с ним поделать? Храбрец! Придется прогулять псинку.

— Сейчас, поводок только возьму. Бабка, небось, молоко заставит пить? Подожди!

Черныш, разом прочувствовав тему, заскулил от восторга.

— Терпи! — погрозил ему пальцем Виталька.

Петь по радио у Мочуновых прекратили. Теперь диктор докладывал последние известия:

— В Судане к власти пришел Революционный совет во главе с Джафаром Нимейри, страна провозглашена Демократической Республикой Судан. Политические партии распущены, премьер-министром назначен Бабикер Авадалла. Еще одна страна мира встала на путь строительства социализма.

— Ура!.. — тихо крикнул Виталька, наблюдая, как бабка семенит ему навстречу с банкой молока.

* * *

*Мам, отведи меня в детство,
Там, где мы за руки вновь...
Где за стеной, по соседству,
Вера жила и любовь...*

И. Самарина-Лабиринт

Небо на юге со стороны Лопатино заволкло дымом. Возможно, опять загорелся лесопарк? Или у военных полыхнуло нефтехранилище? Черные как деготь облака пучились, вздувались и нехотя уползали за горизонт. Но Виталькин путь лежал в другую сторону — на север, в ремонтную зону локомотивного депо. Черныш как ездовая лошадь тащил его по Железнодорожной куда-то к слесарным мастерским. Что ему там за дело? Виталька едва его сдерживал.

На путях пыхтел паровоз. Дядька в замасленной спецовке обстукивал длинным молоточком колеса. У переезда ремонтировали дорожное покрытие. Рядом рабочие разгружали с платформы просмоленные черные шпалы. Пахло гудроном и соляжкой. Все это Виталька видел миллион раз, и ему было совсем неинтересно невесть куда тащиться за псом. Он остановился и потянул на себя поводок.

— Стой, Черныш, — скомандовал он, — пойдем домой.

В этот момент кто-то негромко его позвал:

— Виталя, подь сюда!

Он огляделся. Слева у железнодорожного полотна кипела работа, там никому не было до него дела. Да и кто из рабочих мог позвать его по имени? Кто его тут знал? Справа прямо у дороги растеклась огромная мазутная лужа — темная с фиолетовыми разводами. За ней растянулся вширь серый от покрывшей его пыли кустарник. Виталька присмотрелся и разглядел за раздвинувшимися ветками веснушчатую физиономию своего друга-приятеля Артема Блинова из параллельного класса. Мама, а потом и отец категорически запрещали Витальке самое малейшее с ним общение. И было почему. Причем количество этих «почему» зашкаливало за красную черту...

Взять, к примеру, «Тягучность Андромеды».² Артем просто «заболел» этим фильмом и постарался заразить Витальку. Они превращались в разведчиков экипажа «Тантры», исследовали таинственный корабль «Парус», выясняли причины гибели его экипажа. Артем становился Эргом Ноором, а Виталька Даром Ветром. Артем хотел даже втянуть в игру Маринку, предложив ей роль Веды Конг. Но та рассмеялась: мол, мал ты еще со мной жениться. А закончилось тем, что Артем устроил в заброшенном сарае на Морозовской ветке звездолет и даже произвел его запуск, используя утащенный от отца бидон керосина. В итоге сгорело два сарая и часть забора переселенцев Грошевых. Могла бы выгореть и вся улица, но благо местные мужики, опередив запаздывающих пожарников, подошли вовремя с баграми и ведрами, да и колодец нашелся по соседству. А было еще бегство к Северному Ледовитому океану, пуск салюта из кабинета завуча школы и многое другое. Теперь участковый Брагин заходил в дом Блиновых едва не каждый день, проверяя наличие и отсутствие у их сына чего-либо недозволенного и опасного.

— Виталья, подь сюда, государственное дело! — Артем махал рукой, подмигивал, причмокивал, так что все лицо его ходило ходуном, а веснушки приплясывали, грозя вот-вот рассыпаться по кустам.

— Как? — Виталька растерянно пожал плечами, рассматривая непроходимую мазутную лужу.

Черныш в это время что-то вынюхивал и подкапывал лапой в дорожной колдобине.

— Фу! — прикрикнул на него Виталька. — Нет, нам здесь не пройти.

— Похоже, что так, — Артем задумчиво почесал выстриженный под ноль затылок. — Тут только огородами пройдешь, но там дядька Толя злющий, он вас прибьет, у него ружье. Ладно. встречаемся через полчаса в ж/д столовой.

— У меня денег нет, — предупредил Виталька.

— Зато у меня есть! — ухмыльнулся Артем и помахал в воздухе рублевой купюрой.

— Откуда? — удивился Виталька, но его дружок уже скрылся за пыльной шеренгой кустов, оставив после себя хруст веток и скрип отдираемой от забора доски.

Виталька тут же наладился в обратный путь. Да и что здесь делать? Слушать, как у молокозавода грохочет копр, забивая сваи под фундамент нового цеха? Давиться ядовитым запахом карбида, только что выдохнутым перезаряженным сварочным аппаратом? Или бежать вслед за ползущим по рельсам паровозом, рычащим как динозавр из «Миллиона лет до нашей эры».³ Ни тебе буржуинов, ни Мишки Квакуина? Их хоть палкой можно побить. Нет, домой. А оттуда в столовку. Жаль, к дяде Саше уже не успеет. Но тот добрый, простит, если повиниться.

Паровоз, напустив пару, как в парильне ж/д бани, куда Виталька с отцом ходил субботними вечерами, протяжно гуднул, спугнув прятавшихся на высоком карнизе депо голубей. Черныш рванул вперед, проталив Витальку до водоразборной колонки на развилке улиц, и тут же сунулся в канаву. Пока пес жадно лакал воду, Виталька поймал в тине жирную пивяку. Маринка при виде ее завизжала как бы резаная. Он же, напротив, дал ей возможность присосаться к ладони. Бабка Дульсиня говорила, что от этого только польза, потому что пьют пивяки лишнюю кровь. Откуда у него лишняя? Виталька на этот счет сомневался, но с бабушкой не спорил. А вот то, что на пивяку клюет и окунь, и плотва, знал доподлин-

но, потому что пару раз ходил с Юркой Гавриловым на рыбалку. Он решил завтра прийти сюда с консервной банкой и набрать их побольше, авось пригодятся.

Черныш напился и тяжело дышал, высунув язык. Виталька отпустил на волю пивяку и за поводок потянул пса на дорогу.

— Мы им так врезали, до Китайской стены бежали. Мне двоюродный брательник Вовка рассказывал, он недавно с Даманского⁴ дембельнулся.

Виталька насторожился: про войну говорят, про немцев? Разговаривали два дядьки. Одного из них — Гриху Грошева, по прозвищу Кабан, огромного толстого мужика с пунцовым лицом и обвисшими, как у бульдога, щеками Виталька знал. Это у них, Грошевых, сгорел на Морозовской ветке забор от шалопутства его дружка Артема. Второй вроде бы был кочегаром Зубовым с 1-й Песочной? Кочегар, пустив струю воды из колонки, окунул в нее серое от ввевшейся угольной пыли лицо и несколько раз смачно отхлебнул.

— Слышал я, горячо там было! — сказал он, утираясь рукавом.

— Да что ты слышал?! — Гриха ткнул его кулаком в грудь. — Там китайцы БТРы наши подбили и как саранча поперли на остров, а у наших патронов не хватало в пулеметах. Тогда генерал Лосик дал команду бить из «Градов».

— Это что ж такое? — спросил кочегар, массируя пальцами ушибленное место.

— Реактивные системы типа «Катюши», только новые. Все там к свиньям собачьим смели — и пехоту, и технику вражью.

— «Катюша» — это да-а! Сила! — протяжно сказал кочегар.

— Нас бы туда, мужиков! Что там молодежь зеленая навоюет? — рывкнул Гриха и опять попытался ткнуть собеседника в грудь.

— Надо будет, призовут! — ответил тот, отшагнув назад.

У Витальки екнуло сердце: а вдруг и ему можно? Он встал на цыпочки и пробасил как можно грубее:

— И я пойду, я горнист и на барабане могу!

Оба мужика оторопело замолкли, с полминуты рассматривали Витальку, потом расхохотались.

— Ты первый класс-то закончил, малец? — спросил, давясь смехом, Гриха.

— Я третьеклассник, — с гордостью в голосе ответил Виталька, — и уже пионер, скоро стану командиром звена.

Гогот мужиков почему-то не понравился Чернышу, и он громоподобно залаял, как заправский волкодав.

— Во дает! — удивился кочегар. — Собаку возьмем, а ты дуй, гаврош, к мамке!

Виталька резко рванул на себя поводок и потащил Черныша в сторону дома. Тоже мне! Он размазал по щеке выкатившую от обиды слезу. И вас не возьмут! Поди, и стрелять не умеете? Русский человек после боя раны считает... Так дядя Павел говорил, отец Васька Трубчева. А он небось в паровозном депо мастером работал, а не дурацким кочегаром... Героями и школьники бывают... Валя Котик, как и он, Виталька Игнатов, тоже пионер... Да здравствует День Победы! Дед Валера его на плечах нес 9 мая... Слава советскому народу! На трибуне дядя Ваня Стрельников... Медали, оркестр... Капитан Блад не побоялся заступиться за Арабеллу, бился на шпагах с предателем Левасером и убил, как фашистского гада... Валя Котик машину фрицев взорвал, а ему тоже одиннадцать

лет... Смерть фашистам и жандармам! Васек Трубочев и его товарищи за Родину, как за мать родную... Все папы на фронте, а они в партизаны! Валя Котик в бою за город... какой-то... ранен, его врачи перевязали, а фашистские гады с самолета убили... Вот бы и ему в бой... Валя Котик погиб... И он погибнет за Родину, как герой... Слава Мальчишам-Кибальчишам!

— Здорово живешь, пострел! Ты ко мне?

Что? Дядя Саша? Так он уж у Стрельниковых? Вот те раз, как бабка говорит, не заметил, как дошел! Виталька старательно протер глаза: вдруг увидят, что плакал?

У калитки стоял сам дядя Саша и участковый старший лейтенант Брагин — высокий чернобрый брюнет лет тридцати пяти. Из-под чуть сдвинутой набок фуражки, выбивался упрямый чуб, как у сержанта Перепелицы, когда тот прибыл в родное село на побывку. В ж/д клубе «Перепелицу»⁵ раз пять крутили, и Виталька ни одного сеанса не пропустил, хохотал до колик в животе.

— Гитлеровцы, надо отметить, как отступали из-под Ленинграда, оставляли в нашем тылу своих агентов. — Брагин говорил обстоятельно, как Виталькин учитель по физкультуре, покручивая пальцами зажатую в зубах спичку. — Школы Абвера, надо отметить, у них хорошо работали, да вы и сами знаете. Задания какие были? Собрать сведения о передвижении Красной Армии, диверсионные террористические акты, взрывать жилые здания и важные объекты, вести профашистскую пропаганду. Скажете, уж столько лет прошло после Победы, всех выловили? Да, надо отметить, почти всех. Но кое-кто затаился! Выжидает, чтобы в спину советскому народу нож воткнуть. Поэтому спать нельзя! Бодрствовать! Сигнализировать! Брагин замолчал, размусоленную зубами спичку он тщательно изломал и кинул себе под ноги.

— Дядя Саш, прости, — воспользовавшись паузой, обратился к соседу Виталька. — С собакой гулял... — Он сморщил нос. — А сейчас надо к другу идти, важный разговор!

— Ничего, дело молодое, потом поможешь, — мужчина потрепал Витальку по плечу. — Беги на свое дело.

— А где ваш Мухтар? — Виталька кивнул на брошенную на землю за калиткой собачью цепь у пустой конуры.

— В саду в вольере, ты его характер знаешь, а тут гость пришел, — дядя Саша посмотрел на стоящего рядом участкового.

— Да я, надо отметить, ухожу, — тот взял под козырек. — Будьте бдительны, Александр Михайлович, чуть что, сигнализируйте.

— Чуть что, конечно, — пообещал дядя Саша, — Мы же люди военные, хоть и в прошлом.

— Повезло вам с соседом, — сказал Брагин Витальке. — Герой, орденосец, хоть сейчас в разведку с ним иди.

— Да уж скажете, — в смущении потер лоб дядя Саша и кивнул мальчишке: — Может, зайдешь?

— В другой раз, надо Черныша навязать да к другу бежать.

— Давай! — дядя Саша растянул губы в улыбке, часть его лица отозвалась, шевельнулись складки на правой щеке, ожили морщинки в уголке глаза, который тоже улыбнулся, как это умеют делать глаза, в тоже время левая часть его лица, словно грубо замазанная пластилином, оставалась мертвой и неподвижной. Выглядело это пугающе, особенно для тех, кто видел Александра Михайловича в первый раз.

В 1944 году их воинский эшелон разбомбили фашисты. Старший лейтенант Александр Стрельников помогал вытаскивать из огня раненых и сам сильно обгорел, едва выжил. После войны женился, поселился здесь, в районе Завокзалья. Витальку, пока тот был маленьким, эта улыбка дядя Саши доводила до истерики. Ожог превратил лицо фронтовика в неподвижную полумаску: всю левую его часть, от виска до подбородка, покрывали рубцы, глаз словно «заплавился» и смотрел сквозь узкую щель-амбразуру. Так он и жил — с лицом наполовину живым, наполовину мертвенно неподвижным...

До пенсии герой-фронтовик работал в отделе кадров железной дороги. Его уважали, но близко он ни с кем не сходил, разве что в последние годы дружил с соседским мальчишкой. Собственных детей у Стрельниковых не было. Виталька привык к соседу и постепенно перестал обращать внимание на его обезображенное раной лицо, приспособившись и к его манерам — иногда грубоватым, иногда, напротив, мягким до приторности. Дядя Саша стал для него своим, близким, особенно после смерти деда...

Черныш, измаявшись на прогулке, кое-как доплелся до родного двора. Радио у Молчуновых либо приглушили, либо просто плотно прикрыли в доме форточки. Однако в почти что тишине все равно слышалось:

Старый клен, старый клен, старый клен стучит в стекло,
Приглашая нас с собою на прогулку...

Мама любила эту песню. Витальку же подобные слова совсем не трогали, ему бы про войну, про Победу.

Черныш заскочил в будку, а Витальку поманила к себе выглянувшая из окна бабка Дульсинея.

— Я в магазин, ты участок перед домом вымети, — сказала старушка строгим голосом. — Отцу меньше работы будет, он и так выматывается.

— А я не разматываюсь? — хихикнул Виталька. — Еще как разматываюсь!

— Бестолкового учить — только себя мучить, — проворчала бабка Дульсинея. — Запомни, бездельник, труд человека кормит, а лень портит, терпенье и труд все перетрут. Да, если оголодаешь, в миске на столе оладьи. Молоко в кринке в кладовке, пей, а не то прокиснет. Со двора — ни-ни!

— Железно! — хитро прищурился Виталька и скрестил за спиной пальцы. Не говорить же бабушке про государственное дело Артема? Тогда точно в доме запрет!

Лишь только бабка скрылась из глаз, он сразу наладился бежать в ж/д столовку, представляя, что они с Артемом накупят там на целый рубль?

* * *

А помнишь мамино варенье?

Вот это было объеденье!

И петушки, и мармеладки...

Да, наше детство было сладким.

А. Забавина

Железнодорожная столовая — одноэтажное длинное здание с серым фасадом — располагалось напротив клуба железнодорожников имени В.И. Ленина, в котором, кроме ежедневных киносеансов, по красным датам календаря проходили торжественные собрания, а по вечерам обыч-

ных выходных — танцы. Когда выступали известные ВИА⁶, сюда со всего города собиралась молодежь. Заканчивалось же все, зачастую, известное дело чем — выяснениями, кто сильнее и главнее. На площади перед ж/д столовой парни колошматили друг друга до кровавых брызг, в ход шли камни и арматура. Благо, громить тут особо было нечего. Разве что паровозы? Но у них — достаточный запас прочности, да и уважали их — ведь все выросли на песне «Наш паровоз, вперед лети...» А вот предприятию общепита иной раз приходилось невесело — били стекла, ломали дверь...

Кормили же здесь вкусно, недорого и к тому же круглосуточно, чтобы ночные смены путейцев не оставались голодными. Окрестная ребятня частенько тут гостевала, слетаясь на горячие пирожки с повидлом и творогом.

Артем ожидал друга в фойе у умывальников. Вид у него был загадочный, глаза горели желанием выпалить в Витальку из всех орудий своим государственным делом. Но чтобы помучить, начал он все равно издалека.

— Ты знаешь, что Маринка твоя с Витькой Горохом? Видели их на вечернем сеансе в ж/д клубе — за ручки держались!

— Чего это она моя? — надулся Виталька. — Она шестиклассница, губы мамкиной помадой красит. А Горох — известный гад! Он во время войны точно бы полицаем был!

— С этим согласен, — Артем с великодушной ухмылкой похлопал дружка по спине. — Пойдем меню смотреть.

— Чего там смотреть? — заспорил Виталька. — Я макароны с котлетой буду, компот и два пирожка с повидлом. А где ты рублевич взял?

— Где взял, там уже нет! — опять заважничал Артем.

Но пока они стояли в очередь, рассказал, что за этот рубль он три дня красил сарай и забор соседской бабке Варе.

За их спинами железнодорожник с красочного плаката, на фоне сверкающего черным лаком паровоза, давал наказ: «Грузам семилетки — бесперебойную перевозку!» Лицо у него было мужественным и серьезным, синяя форма нарядная, как на параде. А стоявшие впереди них рабочие из депо, напротив, были очень даже замасленными и чумазыми. Они весело перекидывались словами, упоминая кого-то по фамилии Кошель. Кассирша из ж/д клуба тетя Женя выспрашивала у раздатчицы, что лучше выбрать: борщ или молочный суп? Какой-то мрачный тип в песочно-го цвета кепке расплачивался на кассе за взятые им три вторых и два кефира.

— Шапку бы снял, деревня! — бросила ему тетя Женя.

— Попросил бы без инсинуаций! — отрезал мрачный и ушел к столику у окна, где его ожидал лысый толстяк, вытирающий со лба пот огромным клетчатым платком.

Артем, показывая, что он хозяин положения, взялся старательно изучать меню:

— Так, салат витаминный — 6 копеек, сметана — 14, суп молочный рисовый — 16, шницель натуральный — 20, чай — 3, какао — 6 копеек. Будешь суп?

— Нет. Сказал же, котлету с макаронами и два пирожка с повидлом.

— Пирожки только с творогом.

— Пусть.

— Так, пирожки 5 копеек, макароны — 4. Итого... Итого...

С арифметикой у Артема обстояло совсем неважно. Для него получить

тройку было счастливым случаем. Пока он считал, Виталька рассматривал белого и мрачного. Те ели котлеты и о чем-то негромко разговаривали. Вдруг мрачный резко повысил голос:

— Ты мои деньги не трогай, чужая денюга ребром торчит.

— Мои-то трудовые, а ваши... — лысый, начав громко, сбавил тон, так что про то, какие денежки у мрачного, Виталька не расслышал.

— Эй, потише, милицию вызову! — крикнула кассирша, она рассчитывала рабочих, которые частично платили за обед профсоюзными талонами, поэтому дело шло медленно.

Мрачный и лысый замолчали. Пока первый пил кефир, другой проглотил вторую порцию котлет и, не притронувшись к своему кефиру, встал из-за стола. Мрачный последовал за ним. Когда они вышли, тетя Женя, полоскавшая ложку в тарелке с молочным супом, кинула им вдогонку:

— Ходят тут всякие!

— Верно, Женечка! — поддакнула ей кассирша и принялась за расчет блюд, заказанных мальчишками.

Артем внимательно следил за движением ее губ. Сколько набежит? Кассирша насчитала один рубль десять копеек.

— Не может быть! — Артем взвился от удивления.

Но кассирша пересчитала, и снова вышло один рубль десять копеек. Пришлось, отказавшись от двух пирожков, внести в кассу ж/д столовой ровно один рубль.

— Да уж... — тяжело вздохнул Артем, выворачивая пустой карман брюк. — Кусаются нынче цены!

Перед Виталькой на столе оказался шницель с макаронами, чай и один пирожок, а перед его другом столпился целый продовольственный обоз из витаминного салата, сметаны, молочного супа, второго, чая и пирожка. Куда все это в него влезет? Тут и двум Артемам не одолеть... Но тот, ни о чем не беспокоясь, принялся за сметану, старательно, до капли вычищая ее из стакана, потом за салат.

Приступить к государственному делу он пока не спешил.

— Ну что? Говори! — наконец нетерпеливо попросил Виталька, разделявая вилкой шницель. — Какое дело?

— Вчера мой отец и Брага сидели на кухне, а я за шторкой их подслушивал. Сначала Брага про меня выпрашивал, а как отец ему налиочки налил, стал про секреты разные говорить.

— Какие секреты? — заерзал от нетерпения Виталька.

— Такие! — Артем прищурился. — Фашистского агента он ловит, диверсанта! Вот что за секрет! Сказал, что возможно в нашем районе живет, притворяется своим, русским. А сам...

— Что сам? — вытаращил глаза Виталька.

— Что-что? Откуда я знаю? — Артем развел руками. — Подзорвет что-нибудь, поезд пустит под откос... Вокзал взорвет...

— У него что, бомбы есть?

— А ты как думал? Он же диверсант, ты что, кино не смотрел? Спрятал в лесу бомбы вместе с парашютом, может, и самолет у него есть, он тогда весь город разбомбит!

— Все понятно! — стиснул зубы Виталька. — Понятно!

— Что понятно?

— Брагин сейчас говорил дяде Саше, что кто-то затаился и выжидает, чтобы ножом нам в спину ударить.

— Нам с тобой? — удивился Артем.

— И нам, и дяде Саше, и бабушке моей. И мамке... Всем-всем!

Они замолчали, каждый думая о своем.

— У меня план есть, — сказал Артем и заговорщицки подмигнул другу. — Мы с тобой поймаем фашиста и сдадим в милицию.

— Как поймаем?

— Будем дежурить, я сегодня в кустах полдня просидел. Думаешь, просто так? Наблюдал. Думал, фашист мимо пойдет, я его сразу узнаю — и в милицию сообщу...

— А вдруг не узнаешь?

— Кто же фашиста не узнает? Ты что, фильм «Майор Вихрь» не смотрел? Видел, как там гестапо нашего разведчика допрашивает? Вот такое лицо у фашистского диверсанта, как у гестаповцев.

— Нет, это кино я не смотрел, — с сожалением покачал головой Виталька. — Я «Вызываем огонь на себя» смотрел, мы к маминой сестре тете Кате ездили смотреть. Там полицейай был Терех, на Бармалея из Айболита похож.

— Вот увидишь такого, и надо в милицию сообщить.

— Не знаю, запутаться можно, — Виталька пожал плечами. — Дядька в кепке котлеты ел у окна, на шпиона похож. Витька Горох тоже точно шпион. Свистун у нас ходит по переулку, в Черныша камни бросает, думаю, и он...

— Тогда и завуч Ираида шпионка, — подхватил Артем. — И наша классная, она мне пар столько наставила!

— Эй, пацанва, давайте стол освобождайте, сейчас две бригады локомотивные придут и ремонтники с дистанции! — Это Любка-посудомойка, раскрасневшаяся от кухонного жара, подошла к их столу и, уперев руки в бока, сверлила ребят взглядом.

Они оба одновременно вскочили, намыливаясь убежать прочь. Но Любка преградила им дорогу:

— Эй, куда? Посуду кто за вас убирать будет? Смотри-ка, как набезобразничали, крошили булки, пирогов! Пороть вас некому! — Она указала пальцем на висящий в протенке между окнами плакат «Хлеба к обеду в меру бери, хлеб драгоценность, им не сори!» С него на мальчишек строго смотрела кудрявая женщина, похожая на кассиршу.

Как тут поспоришь? Нагрузившись тарелками, они побрели к стоящему у входа на кухню специальному столу для грязной посуды.

На улице Виталька спросил друга:

— Ты где будешь дежурить? В тех кустах у переезда?

— Наверное, где еще? — скорчил неопределенную рожицу Артем. — Там до дома близко. А ты?

— Я? — Виталька несколько секунд подумал и вдруг хлопнул себя ладонью по лбу. — Ва! У нас же в переулке у забора дерево большое растет, за ним можно сделать наблюдательный пункт, там и трава высокая, никто не увидит.

— Заметано! — хлопнул в ладоши Артем. — Что, пошли дежурить?

— Да, только... — Виталька замялся. — Не обидишься? У меня пятнадцать копеек есть, сэкономил со школьных завтраков. Можно на вокзал сбегать, там плодово-ягодное мороженое по семь копеек.

— Чего обижаться? Если бы зажилил, тогда конечно! А так... Айда на вокзал!

Лоток с мороженым оказался закрытым. В вокзальном буфете они

купили пирожное-картошку и разделили напополам — на безрыбье, как говорится, и рак рыба.

В привокзальном парке расположились на скамейке, чтобы растянуть удовольствие от любимой сладости.

— Ба! — Виталька толкнул друга локтем в бок и незаметно кивнул на соседнюю скамейку. Там сидели давешние мрачный в светло-коричневой кепке и лысый и опять спорили. Вернее, мрачный, роясь в пухлом черном портфеле, выговаривал своему соседу.

— Куда делась папка с докладом? Тут была? Лично положил? Я с тебя три шкуры, Кирилыч... так и знай.

Лысый Кирилыч молчал, дрожащей рукой вытирая пот со лба.

— Мне тебе говорить о важности апрельского Пленума ЦК КПСС? Мы с тобой сюда специально из самого Ленинграда ехали зачем? Чтобы донести до масс об актуальных проблемах международного положения и борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения!

— Так я чего, Сан Саныч? — жалобно взмолился лысый. — Я ничего!

— А кто меня за обедом упрекнул, что я деньги не трудом зарабатываю, а языком? Так я, между прочим, лектор краевого звена! Я как Луна в обществе «Знание». А ты даже не луноход, так — самокат! Ты, Кирилыч, методист! Улавливаешь разницу? Ты мне материалы готовишь, вот за папки отвечаешь. Где все-таки эта папка?

Лысый, открыв тоненький желтый портфельчик, склонился над ним, пошелестел бумагами и вдруг вскопил на ноги, размахивая, очевидно, той самой потерявшейся папкой:

— Вот же она, Сан Саныч! — радостно затрубил он. — Вот! Я вспомнил, вы сами мне вчера ее отдали на сохранение!

— Так, опять обвиняешь руководство? Смотри, Кирилыч! Помнишь наш свод правил? Напомню: правило первое — руководитель всегда прав! Второе — если руководить неправ, смотри пункт первый. Все понятно?

— Так я чего, Сан Саныч? — опять заныл лысый. — Я ничего...

— Нет, это наши, русские, — сделал заключение Виталька, облизывая после пирожного пальцы. — Никакие они не шпионы.

— Согласен, — кивнул Артем. — Что, по домам?

— Айда!

* * *

*Шмелей и пчел звенит в траве хорал.
Я землянику кустиками рвал
На бугорке душистом, разогретом...
Я был в Раю. Но я не знал об этом.*

Н. Рачков

Радио со двора Молчуновых вещало на весь переулок. Виталька, пока дошел до дома, узнал, что «в Москве состоялась двадцать третья специальная сессия Совета Экономической Взаимопомощи с участием руководителей коммунистических и рабочих партий и глав правительств стран — членов СЭВ: Народной Республики Болгарии, Венгерской Народной Республики, Германской Демократической Республики, Монгольской Народной Республики, Польской Народной Республики, Социалистической Республики Румынии...»

И как я успею съездить в столько стран? А ведь еще надо в Африку...

Виталька загибал пальцы. Австралию, Антарктиду, Индию... Нужно маму попросить, чтобы белую рубашку купила и пионерский горн. Как же без горна протрубить «Торжественное приветствие»? Их пионеры обидятся...

Отец, высокий, светловолосый, сероглазый, крепкий, как стальной клинок, уплетал на кухне за обе щеки щи из щавеля — из супов самый его любимый. Appetit у него всегда был отменный. Виталька хотел незаметно пробраться к себе, но мама остановила. Ее величали русской красавицей. Да и как иначе назовешь молодую чернобровую голубоглазую женщину с гибким тонким станом и толстой, ниже пояса, русой косой? К тому же мама умела красиво одеваться, хотя дорогих нарядов и не имела.

— Быстро мыть руки и обедать! — указав рукой на стол,скомандовала она.

— Я уже сегодня два раза обедал, — заныл Виталька. — И щами бабушка кормила.

— Привет, сын, с матерью не спорь! — сказал отец, зачерпывая очередную ложку супа.

Мама вопросительно посмотрела на бабушку Дульскинею. Та утвердительно кивнула:

— Ел, ел, пусть оладьи теперь кушает. И уроки сделал.

— Потом! — кинул на ходу Виталька и умчался к себе в штаб.

Так он называл бывшую комнату деда, куда его переселили после кончины главы семейства. Хотя тот давно умер, менять здесь Виталька ничего не разрешалось. Хорошо хоть огромную железную кровать с панцирной сеткой разобрали и унесли на чердак, заменив ее новой деревянной. Металлические шарики со спинок старой кровати Виталька успел скрутить. Он не решил еще, что с ними делать, просто спрятал в стол. В остальном по большому счету тут ничего не изменилось: почти все свободное пространство на полу покрывали пестрые домотканые дорожки, на которых, то там, то сям, нежился кот Мурзик — лохматый лежебока; пустоту у спального места скрашивал невесть в какие времена пришипленный стекольными гвоздями к стене коврик с оленями. С подвешенного чуть ли не к потолку фотопортрета Витальку сверлили взглядом дед Валера и притиснутая к нему левым боком бабушка Прасковья, которую Виталька совсем не помнил. А Ленин и Сталин с краснознаменного плаката смотрели куда-то в сторону. А у них за спинами было написано золотыми буквами: «Под знаменем Ленина, под водительством Сталина — вперед к коммунизму!» За самодельным, выкрашенным темной морилкой фанерным шкафом красовался еще один плакат с революционным паровозом, напоминающий, что «Железнодорожный транспорт — родной брат Красной армии». Виталька нарисовал свою боевую картинку и до времени, пока не разрешат повесить, положил ее на письменный стол. Это был тетрадный лист, украшенный нарисованными горном, барабаном, красной звездой и подписью: «Пионер — родной брат Мальчиша-Кибальчиша». Он хотел еще написать «идет к коммунизму», но не хватило места. Но и так получилось красиво. Еще Виталькины здесь были географическая карта полушарий на стене у окна, учебники, ящик с игрушками в углу комнаты.

Виталька присел за письменный стол, пусть и самодельный, но надежный и удобный. Положил перед собой бледно-голубую ученическую тетрадь, на которой очень старательно было выведено его рукой: «Строго секретно». Над этим важным грифом возвышалась голова маленького курчавого Ленина, про которого вся страна пела, что «он бегал в валенках по

горке ледяной». Виталька раскрыл тетрадь и на чистом первом листе написал: «План. Ловим с Артемкой фашистского шпиона. Мое тайное место за деревом». Подумав, что еще написать, добавил: «Артемка сидит, где лужа». Поставив точку, он закрыл тетрадь и спрятал ее на самое дно нижнего ящика. Все, баста, завтра с раннего утра на пост выполнять план!

Он встал в дверях комнаты, прислушиваясь к тому, что говорят взрослые.

— На Первомае Гришина понесу, — сказал отец, приступая к чаю.

— А в прошлом кого нес? — спросила мама.

— Мазурова. А петь вам что велят?

— Нам с бабьянками профорг поручил петь «Катюшу» и «Москву майскую».

— Так у вас-то спеть с толком могут только ты да Лидка Иванова!

— Еще баба Шура, Зинка кладовщица, Ольга Смирнова.

— Зинка — да, шустрая девка! — усмехнулся отец.

— Я тебе дам шуструю! — мать изменила тон с веселого на строгий. —

Гляди у меня!

— Только на тебя и гляжу! — озорно улыбнулся отец.

Лицо мамы покрылось нежным румянцем, но губы все равно надулись обидой.

— Во как! Смотри, что «Правда» пишет, — повернул разговор в другую сторону отец. — В канун Первомае в Йошкар-Оле открылось кафе для детей. Построено оно на улице, носящей имя Ю.А. Гагарина. Это — нарядное здание из стекла и пластика с мозаикой на сюжеты русских и марийских сказок. Работники общественного питания подготовили широкий ассортимент вкусных десертных блюд... А у нас нет такого кафе, Галь? Или есть?

— У Зинки своей спроси! — все еще сердито ответила мама.

— Ладно тебе, послушай, что скажу! Прошел слух, что в городе ищут какого-то агента Абвера, внедренного еще во время войны, — отец приглушил голос, отчего развесивший уши Виталька сразу насторожился и выдвинулся вперед, чтобы видеть происходящее на кухне.

— Что за слух? До нашего цеха не дошло... — спросила мама, от удивления перестав вытирать вымытые в умывальнике кружки.

— У нашего лекальщика дяди Коли племянник служит в КГБ, так вот он рассказывал, что где-то в другом городе задержали бывшего фашистского агента, у него какой-то архив нашли. В общем, от него узнали и о других затаившихся врагах, в том числе и у нас в городе, вроде даже в нашем районе!

— Батюшки-светы! — всплеснула руками бабка Дульсинея.

— В КГБ служит? — с сомнением в голосе спросила мама. — Что ж, так взял и разболтал? Это ж тайна, его за это посадят?

— А ты не болтай, и не посадят никого, — рассердился отец. — Выпили они крепко, у племянника сын родился, отмечали, а дядя Коля с похмелья пришел, голову хотел поправить, вот за кружку пива все и выложил. Я ему слово дал, что никому!

— Крепкое у тебя слово! — усмехнулась мама, но тут же испуганно прикрыла рот ладошкой. — Найдут? А вдруг кто из наших соседей?

— Найдут! — бабушка перехватила от мамы полотенце и сама принялась вытирать насухо посуду. — У нас в Дятьково полиция Пасько из погребца вытащили мужики и оттащили за волосы в милицию.

— Помню смутно, но это ж когда было?... — хмыкнул отец.

— Когда-когда? В сорок шестом. Он, гад, целый год в погребке просидел, но кто-то из пацанов заметил.

Услышав это, Виталька обрадовался. Значит и они с Артемкой заметят и найдут фашиста! Но выдавать своих планов не стал, это же тайна!

Поэтому просто поддержал бабушку:

— Найдем! — по-пионерски звонко сказал он и немного приврал: — Брагин разрешил Черныша брать, чтобы он нюхал и искал шпиона.

— Я тебе дам Черныша! — прикрикнула мама. — Ты еще на демонстрацию пса возьми!

— Я портрет Буденного понесу! — крикнул Виталька. — А бабушка что на Первойой понесет?

— Я на ваши демонстрации не ходок, помилуй Бог! — отбрила внука бабка Дульсинея. — Я вона в воскресенье в церкву пойду и тебя, Виталик, возьму. Так и знай! На Пасху, говорили, нельзя, милиция зарестует. Нынче на Жен-мироносиц тоже нет, а на Расслабленного пойдем, небось не зарестуют? И в крыжовник свой, Виталик, хорониться не ходи, я там чеснок посадила, потопчешь!

— Евдокия Кузьминична, баба Дуся, я этого не слышал! — отец резко вскочил со стула, его красивое в обычном расположении духа лицо исказилось, пошло пятнами, глаза потемнели. — Я хоть и беспартийный, но у нас на заводе с этим строго, мы движемся к научному коммунизму. Галя, я против!

— Человек ходит, Бог водит, — бабушка Дульсинея грустно улыбнулась. — Тетка моя покойная, баба Тася, так говорила, которая крестная твоя.

— Какая она крестная? — отец в сердцах ударил себя в грудь. — Я некрещеный!

— Это ты так думаешь, — бабушка тяжело вздохнула и перекрестилась. — Время такое было, скрывали. А баба Тася тебя до войны еще младенцем в Брянск возила крестить. Помнишь ее, иль забыл? Вы ведь как после войны уехали в Псков, так сколько воды утекло? Забыл?

— Вот еще новости, чего это забыл? — отец присел обратно на стул. — Дом бы не сожгли фашисты, может, и остались? Надоело мамке в землянке жить, как возможность появилась, так и уехали в Псков. А что крестили меня — не помню. И как теперь? Если на работе узнают?

— Что с того? — удивилась мама. — Кто у нас некрещеный? Чай все мы — русские люди... И парторг наш, знаю, и вон директор депо.

— Ты, Лешка, не ершишь! Некрещеный, вишь, он? — бабка Дульсинея махнула в его сторону полотенцем. — Ты знай-помни, что ни так отец до детей, как Бог до людей. На Бога положишься, не обложишься.

Отец, обиженно насупившись, сидел молча, пощипывая густой золотистый ус.

— А я так «за»! — сказала мама. — Пусть сходит сын с Евдокией Кузьминичной, плохому не научат, а у нашей родни прадед попом был в деревне, очень его уважали! И моя бабка, помню, говорила, кто любит Бога, добра получит много, а любящих и Бог любит. Я Витальку нашего покрестила в соборе, когда ему два года было, никого не спросила.

— Да ну вас! — буркнул отец. — Здрасьте-пожалуйста!

Виталька сначала сник, а потом подумал, вдруг шпион там в церкви прячется? Надо все разведать! Тогда там его и схватим!

Во сне Виталька вместе с Чернышом бежал за фашистом и даже поймал его за штаны. Но они лопнули, и в руках у Витальки остался лоскут дедовых кальсон, которым в коридоре мыли полы...

*Ребячьи игры... Вроде бы, забава,
Но верную свою вплетали нить:
Учились мы разглядывать лукавых,
А дружбу и товарищей ценить.*

А. Опарина

На оранжевой зорьке воздух звенел, словно далекие горнисты трубили в небесных высях подъем. Стараясь их разглядеть, Виталька поднялся на забор и посмотрел вдаль. Как любил он такое раннее занимающееся огнями утро! Облака, будто взвившиеся за ночь кострами, уплывали по небу прочь в светлое будущее...

— Мы пионеры — дети рабочих! — прошептал он и помахал им вслед.

Он научился мышкой выбираться из дома во двор, чтобы встретить рассвет. Даже бабушку Дульсинею наловчился не будить, тихой сапой минуя ее закуток.

Зябко поеживаясь, он прошел по двору, угостил хлебом радостно заскулившего Черныша. Тому прохлада была нипочем, он прямо сейчас готов был мчаться куда угодно, хоть за тридевять земель.

— Фу, Черныш! Не вздумай гавкать! — тихим голосом скомандовал Виталька. — Разбудишь взрослых!

Ночью он придумал военную хитрость, поэтому первым делом прошел в сарай и взял с верстака первую попавшуюся стамеску с коричневой чуть треснутой деревянной ручкой. Хитрость была такая: положить в переулке на дорогу дедов инструмент и наблюдать. Если пойдет наш русский, то поднимет чужую вещь и будет кричать:

— Кто потерял?

А если фашистский агент, то, конечно, присвоит ее себе, ведь фашисты всегда так делают.

Виталька был доволен собой: не каждый такое придумает! Все складывалось замечательно! Воскресный день, в школу не надо, уроки сделаны, и ему полная свобода. Можно было не спеша подготовиться.

Место у выбранного по их с Артемом тайному плану дерева okazaлось вполне подходящим. Настоящая партизанская засада! Было еще одно неплохое местечко — через дорогу наискосок у забора участка Стрельниковых. Там зеленым островом раскинулся куст бузины, он давал возможность спрятаться от тех, кто находился на дороге, но дядя Саша из своего сада такого разведчика мог бы, при желании, заметить. Это Витальку не устраивало! Другое дело — у дерева. Вот только буйно заросшая повилкой крапива — страшная вещь! — жгла и кусала, как тысяча комаров. К тому же, густо перевитая вьюном, она стала неубиваемой и непроходимой.

Стараясь не шуметь, Виталька, прилагая немалые силы, вырубил палкой площадку для наблюдения. Ну, все, нормалек! Никто ни в жизнь не заметит! Он вышел на дорогу, высмотрел точку для наживки. Положил так, чтобы ему хорошо все было видно. Сделано! Пора на пост!

Устроившись в засаде, достал припасенный ломоть хлеба и начал маленькими кусочками жевать. Окрестные дворы еще спали, прохожих не наблюдалось, лишь где-то в отдалении перелаивались собаки. В стороне вокзала гудел маневровый паровоз, изредка шумели пролетающие мимо железнодорожные составы. В прошлом году Виталька с родителями на одном из таких поездов путешествовал в Москву к дяде Васе, мамину старшему

брату, он давно там обосновался и даже вышел в какие-то начальники. Больше всего Виталька запомнил Красную площадь, огромную Царь-пушку, Кремлевские башни и, конечно, Мавзолей, в который пришлось отстоять длинную очередь. И еще ВДНХ, где он увидел настоящую ракету «Восток» Юрия Гагарина, объелся мороженым и побывал в павильонах «Юные техники» и «Юные натуралисты». Вот бы опять туда поехать! Виталька мечтательно прикрыл глаза... и, наверное, задремал. Потому что, открыв их, увидел, что бабушка Дульсинея кормит подхалимски подтягивающего Черныша. Потом она ненадолго зашла в дом. Вернулась обратно с эмалированным бидончиком и через калитку вышла в переулочек. Верно, за молоком к Ивановым на Болото. Бабушка ходила туда каждые два-три дня.

Стоп! Виталька испуганно замер. Как там наживка, цела? Ура! Стамеска лежала там, где была им оставлена.

Виталька стал ждать. Через полчаса вернулась бабушка, отчего-то сердитая.

— Замолчь! — прикрикнула она на радостно залаявшего Черныша и даже махнула в его сторону бидоном.

По тому, что из бидона ничего не пролилось, Виталька догадался — молока в нем нет. Странно, раньше такого не бывало... Но все сразу произошло:

— Галя, слышишь, — крикнула бабушка выглянувшей из окна маме, — у Ивановых козу сперли, представляешь? Черная была, редко такую увидишь. Придется без козьего молочка магазинным обходиться!

Украли? Виталька встрепнулся, хотя большим любителем этого продукта не являлся. Но тут другое дело: не фашист ли постарался?

Во дворе у Громовых застучали. Наверное, дядя Ваня беседку достраивает? Его и прозвали куркулем за постоянную заботу о доме и хозяйстве: он все время или что-то строил, или венок, тащил, пер в свой двор, словно тот был безразмерным мешком. Бабка Дульсинея уважительно называла его «хозяин»! А отец морщился: мироед!

Так, внимание! По переулку кто-то шел... Этим «кто-то» оказался длинный, как оглобля, рыжеволосый дядя Петя с переулка Путьейца, работающий зубным врачом в ж/д поликлинике. Он передвигался пошатываясь, жестикулируя руками и напевая:

Ladonna é mobile
Qual piuma al vento,
Muta daccento — e di pensiero.
Sempre un amabile,
Leggiadro viso,
In pianto o in riso, — é menzognero.⁷

Сердце Витальки похолодело. Не по-русски поет? По-немецки? Значит, фашист? Виталька, конечно, дядю Петю не очень-то любил, тот два раза пребольно лечил ему зубы. Но чтобы фашист? А если наживку не возьмет? Дядя Петя как раз приостановился и поднял с земли стамеску.

— Брат или не брат, вот в чем вопрос? — немного заплетающимся языком спросил он, наверное, у самого себя, потому что Витальку никак увидеть не мог.

Покрутив стамеску в руках, сунул ее в карман пиджака и объявил:

— Брат!

Продолжая пошатываться, он двинулся дальше в сторону своего дома. Виталька, выждав минуту, выбрался из засады и украдкой пошел за ним

следом. Впрочем, в его предосторожностях не было нужды: дядя Петя шлем, не оглядываясь и продолжая напевать не по-русски.

«Так-так... — задумался Петька. — Самому арестовывать? Или бабулю позвать? Нет, лучше дядю Сашу Стрельникова, тот, как-никак, фронтовик».

Дядя Петя жил на переулке Путьца в большом зеленом доме с красивым, засаженным цветами, палисадником. У калитки он остановился и крикнул:

— Эй, Маня, встречай мужа!

— Сейчас тебя скалкой встречу! Ты где шляешься? — отозвался из глубины двора низкий женский голос. — Мухой сюда! Котенок на яблону заскочил, а вниз никак. Час уже блажит.

— Это я мигом, я хоть и не дядя Степа, но из районных великанов самый главный великан! — как пропел дядя Петя.

— Давай, Степа! — тетя Маня, высокая дородная женщина в длинном красном халате и бигуди, вышла его встречать. — Лестницу возьми, ты хоть и великан, но все одно не каланча.

— Дядя Степа с тротуара достает до чердака, сквозь огонь и дым пожара тянется его рука! — продолжал шутливо напевать дядя Петя.

Они прошли вглубь сада. Виталька, приоткрыв калитку, скользнул во двор и прокрался за ними.

Котенок действительно громко мяукал откуда-то из глубины кроны огромной яблони. Дядя Петя, пошатываясь, подтащил к дереву деревянную лестницу.

— Он окошко открывает, из окошка вылетают восемнадцать голубей, а за ними — воробей, — уже не пропел, а проскрипел он, тяжело дыша.

— Ты смотри — не хлобыстнись! С вашим ростом в самолете неудобно быть в полете: ноги будут уставать! — подпела мужу супруга.

Наверно, их любимая сказка? Всего «Дядю Степу» знают наизусть? Виталька удивленно пожал плечами. Его мама только «Федорино горе» любит, до сих пор ему читает. А дядя Степа лучше, чем бабка Федора с ее горем.

Тем временем хозяин дома установил лестницу и занес ногу на первую ступеньку. Когда он подтянул туда и вторую ногу, лестница начала съезжать набок.

— Караул! — закричала басом тетя Маня. — Помогите!

Виталька тут же кинулся на помощь и вместе с женщиной удержал лестницу на месте. Однако дядя Петя не устоял и шлепнулся задом на землю.

— Я пойду в огонь и воду, — скрипнул он, потирая длинными руками бока, — посылайте хоть сейчас!

— Ага, в больницу тебя пошлем! — пообещала тетя Маня и, взглянув на Витальку, спросила: — Мальчик, может, ты? — она кивнула подбородком вверх. — Лестницу я подержу.

Виталька, также кивнув, тут же начал карабкаться наверх. «Не кокегары мы, не плотники, но сожалений горьких нет, как нет!», — мысленно запел он, верно, заразившись песенной инфлюэнцей от жителей этого веселого зеленого дома.

Так, вторая, третья, четвертая ступенька... «А мы монтажники-высотники, да, и с высоты вам шлем привет!» — закончил он пение, поскольку дальше слов не знал. На девятой ступени увидел вцепившегося в ствол дерева еще более рыжего, чем здешний хозяин, пушистого котенка.

— Кис-кис! — позвал он.

Котенок покидать яблоню не хотел, цепляясь за нее изо всех сил. Он неистово мяукал, а Виталька стал его уговаривать:

— Да иди же, иди, хозяйка ждет!

Котенок наконец сдался и теперь уж впился когтями в его плечо, так что Виталька чуть не вскрикнул.

«Пионеры не боятся!» — напомнил он себе.

Внизу тетя Маня бережно переняла рыжую бестию в свои руки и расцеловала в маковку.

— Слава Богу, обошлось! Спасибо тебе, мальчик! — со слезой в голове сказала она. — Если бы не ты... Да, а откуда ты у нас взялся?

— Так, мимо проходил, — ответил Виталька.

— Мой-то, — женщина кивнула на мужа, — вчера к куму на день рождения пошел, видать, хорошо посидели? Утром лишь чуть живой вернулся. Мы еще ему устроим, да, милый? — она опять поцеловала котенка.

— А чего он у вас на немецком поет? Он что, немец? — как бы между прочим полюбопытствовал Виталька.

Тетя Маня вопросительно взглянула на супруга.

— Это он, наверное, про «Риголетто», — тяжело поднимаясь на ноги, сказал дядя Петя. — Я на ходу арию герцога Мантуанского репетировал.

— Понятно? — тетя Маня погладила Витальку по плечу. — Петенька на итальянском пел, он у нас в театре самодетельным выступает. Все говорят, большой талант! Мог бы в опере петь! Пойдем, дам тебе конфетку.

— Послушай, мальчик, — дядя Петя, похоже, окончательно пришел в себя. — Я нашел на улице стамеску, не знаешь, случаем, чья? — он показал Витальке дедов инструмент.

— Случаем знаю, — вздохнул Виталька, готовясь соврать. — Наша! Бабушка Дуся вчера забор отремонтировала и потеряла.

Вышло удачно, поверили.

— Передай бабушке, чтобы не теряла больше. Понятно, старый человек, но все же! Вещь-то ценная! Ты, кстати, у меня зубы не лечил?

— Лечил два раза. А бабушке передам! — пообещал Виталька и, не дожидаясь конфеты, побежал домой.

Нет, свой русский! Он оглянулся на зеленый дом. Не шпион!

* * *

*Вспоминаю часто эти годы —
Речка, мяч. И вечно пыль столбом.
Праздники, костры, друзья, походы,
Яблоки в садах. И эскимо.*

Н. Волохов

В понедельник Витальку сразу затянуло в водоворот событий. До Первой время еще оставалось, но вся школа ходила ходуном. Последние уроки отменили и всех определили к какому-либо делу: младших отправили убирать пришкольный участок, а старшие драили классы, библиотеку, пионерскую комнату, приводили в порядок столовую, которая одновременно являлась и актовым залом. Взрослые, включая учителей, техничек и фельдшера, суетились, нервничали, директор школы Федор Васильевич, невысокий энергичный мужчина лет пятидесяти, лысоватый, с зачесанной на лоб редкой прядью волос, бегал вверх-вниз по лестницам, стараясь по-

всюду поспеть. Завуч Ираида Андреевна, неопределенных лет дама с высокой прической в бессменном строгом костюме цвета ржаного обойного сухаря (и сама оттого похожая на сухарь) степенно ходила по коридорам, помахивала указкой и отдавала короткие злые команды:

— Голубева, чего с глобусом ходишь? Поставь, брысь парты скоблить! Горохов, хватит ржать, мой окна! Кокорева, не разбей герань, опять отца в школу вызову!..

Доставалось всем. Витальку с Артемом учитель по труду Авдей Спиридонович выловил в туалете и отправил убирать опилки из столярной мастерской. Они как раз обсуждали свой план.

— Я почти поймал, — захлебываясь словами, тараторил Артемка, — бригадир ремонтников Поликарп Ефимович, фамилия у него смешная — Кошель, ну настоящий немец из «Майора Вихря», и нос такой же, и рот.

— И что? — спросил Виталька. — Сам его арестовал?

— Да нет, — скорчил недовольную рожицу Артем, — не немец оказался, он на Доске Почета, коммунист, взносы профсоюзные платит, на Первомай маршала Гречку понесет.

— Откуда знаешь? — удивился Виталька.

— Отец, когда меня порол ремнем, рассказал.

— Отставить болтовню! — прикрикнул на них Авдей Спиридонович. — Вот ведра, вот опилки, где мусорка — знаете.

Пока разбирались с опилками, Виталька коротко обрисовал свои подвиги.

— Не фашист оказался дядя Петя длинный, он вообще-то очень смешной и добрый. Да... — Виталька осекся, — чуть не забыл. У нас на болоте козу Джали у Ивановых сперли. Не фашиста ли дело?

— А вот и нет! — перебил друга Артемка. — Знаю, чье дело!

— Откуда? — открыл от неожиданности рот Виталька.

— Горох и Чистик за углом школы курили, и как раз об этом договаривались, я в кустах сидел, подслушал.

— И что? — Виталька вытаращил на товарища глаза.

— Чистик сказал, что за козу цыганка Эсмеральда с Милевского переулка чирик хоть сегодня даст. А Горох сказал, что козу спрятал на Морозовской ветке, где точно, я не понял.

— А чего только чирик? — удивился Виталик. — Вовка Иванов хватал, что их Джали редкой породы и стоит как новый мотоцикл. Она черная, будто ночь.

— Не знаю, так Чистик сказал.

— Надо за ними проследить, — Виталька понизил голос до шепота. — Может, Эсмеральда тоже за немцев?

— Вряд ли... — пожал плечами Артем, — она же цыганка. Но проследить надо. Договор!

Чистик — Генка Чистиков, одноклассник Витьки Горохова, хулиган-второгодки с крепкими покатыми плечами, скуластым смуглым лицом и дерзким взглядом — в детской комнате милиции был постоянным гостем. Поговаривали, что до тюрьмы ему — один шаг, и этот шаг уже им практически сделан.

Решили, что Виталька, если что, будет следить за Чистиком, а Артем — за Горохом.

Прежде чем распустить школу по домам, Федор Васильевич толкнул речь. Он вскинул вперед руку, словно указывая людям дорогу, и сказал то, что все и так помнили с прошлого года: что Первомай считается од-

ним из главных государственных праздников, что он демонстрирует гордость достижениями страны и память о тех, кто отстаивал завоевания социализма и боролся за создание нового коммунистического общества. Напомнил, что во время Великой Отечественной войны, когда он сражался в рядах партизанской бригады Германа, трудящиеся всей страны отказывались от праздничного отдыха, чтобы провести этот день в напряженном труде на оборону Родины...

— Славься, Первомай! — закричала во весь голос старшая пионервожатая Зинаида Леонидовна, крепко сбитая молодая женщина лет тридцати. — День сплочения сил добра, мира и справедливости!

Виталька искал глазами в рядах школьников Гороха и Чистика и не находил. Когда, после непродолжительных аплодисментов, все стали расходиться, он кинулся к другу.

— Где они? Убежали?

— Здесь, успокойся, — усмехнулся Артемка, — за мусоркой в кустах курят. Только что их видел. Да вон на Стахановскую пошли. За ними!

— Айда!

Горох и Чистик удалялись в сторону новых хрущевских пятиэтажек. Чистик, что-то втолковывая товарищу, махал у него перед лицом руками и то и дело поправлял съезжающую на затылок клетчатую, как у Шуры Балаганова из «Золотого тельца»,⁸ кепку, бывшую явно ему не по размеру. Долговязый Горох сутулился и то и дело пожимал узкими, как у девчонки, плечами. Они шли по Стахановской со стороны «хрущевки», а Виталька с Артемом прижимались к частному сектору на другой стороне улицы.

Артем, маскируясь, поставил портфель себе на плечо. Портфель у него был полинялый, в мелких пятнах и ссадинах, похожих на конопушки его хозяина.

У ж/д поликлиники Горох и Чистик пересекли Вокзальную и повернули в сторону расположенного в парке павильона «Пиво-воды», обставленного по периметру высокими круглыми столами, за каждым из которых уместались четыре средней полноты мужчины и восемь кружек пива. Горох и Чистик притулились к самому крайнему свободному столику. Рядом пили жигулевское Виталькин сосед Юрка Гаврилов, мазутник Пан и толстый Гриха Грошев по прозвищу Кабан. Виталька хорошо их видел из-за куста акации, где схоронились они с Артемом.

Мужики громко хохотали. Юрка, размахивая воблой, кричал, что в армии из калаша запросто выбивал сто очков из ста возможных.

— Брешешь! — так же громко орал Гриха. — Не может быть!

— А вот и было! — стоял на своем Юрка. — Хочешь, забьемся, хоть на червонец?

— Забьемся, только как докажешь? В тире из воздушки будешь бить? — гоготал Гриха.

— А хоть из воздушки! — Юрка с силой хлопыстнул по столу воблой, так что пиво из кружек плеснулось через край.

— Сто из ста?

— Сто из ста!

— Забились на червонец! — Гриха протянул Юрке огромную поросшую с тыльной стороны черной шерстью ладонь и одновременно другой рукой двинул кулаком Пана в плечо: — Разбей!

Тот, не говоря ни слова, махнув от плеча, разъединив их рукопожатие. Виталька заметил, как зло сверкнули его глаза.

— Ладно, еще по паре кружек — и баста! — рассудил Гриха. — Потом в тир. Кто у нас банкует?

— Юрдон! — Пан подбородком указал на Юрку. — Им зарплату к Первомаю раньше выдали.

Юрка согласно кивнул:

— За мной не заржавеет!

Под ногами у мужиков прыгали воробьи, хватая то, что годилось в пищу. В метре от стола горсть пернатых воришек по-братски делила кусок ржаного хлеба. Прямо на них спикировала ворона, разом разогнав малышей, неспешно огляделась и ухватила весь кусок целиком.

— Брысь! — замахал на нее рукой Виталька.

— Тише! Засекут! — зашипел Артем.

— А фашиста когда будем ловить? — спросил у друга Виталька.

— Никуда твой фашист не денется, он сейчас затаился в берлоге, — опять важничая, прошептал Артемка. — А как только вылезет — мы его цап-царап! Смотри! — он толкнул Витальку в бок. — Цыганка пришла.

Выглядела Эсмеральда, эффектная тридцатилетняя дама с черными пышными, распущенными по плечи волосами, экзотично. По ее платку, кофте и юбке вольно рассыпались красные и желтые розы, отчего она походила на ходячую клумбу.

Следом за ней приползли облака, наглухо зашторив солнечный свет. Парк тотчас помрачнел.

Мальчишки отодвинулись от шумной кампании, чтобы лучше слышать переговоры жуликоватой троицы.

Звякнув браслетами, цыганка приоткрыла сумочку и, показав кончик десятирублевой купюры, сказала сочным баритоном:

— Пацаны, деньги вот они, где товар забирать?

Горох закашлялся, а Чистик, надвинув кепку на глаза, глухим голосом ответил:

— Подорожал товар, надо два чирика сверху и еще пятерик.

— С какого рожна? — Эсмеральда полыхнула возмущением, отчего все на ней зазвенело и завибрировало. — С ума сошли?

— Как хочешь... — стараясь казаться равнодушным, сказал Чистик. — Тогда все отменяется.

Эсмеральда забарабанила окольцованными тяжелыми перстнями пальцами по столешнице.

— Ладно! — темные глаза ее метнули молнию. — С собой у меня нет, но завтра будет. Где встречаемся? Только если опять что-то подорожает, смотрите, такое вам наколдую...

— А зачем тебе черная коза? — неожиданно спросил Чистик. — У нее что, молоко особое?

— На кой мне молоко? — раздраженно вскрикнула Эсмеральда. — Мне вообще-то черный козел был нужен. Но не найти в городе. За него бы я и полтинника не пожалела.

— Так зачем? — переспросил Чистик.

— А вот наворожу тебе горб, как у верблюда, узнаешь зачем. Все понятно?

— Мне, вообще-то, до лампочки! — пошел на попятную Чистик. — Завтра встречаемся в десять вечера на... — Он на мгновение задумался. — На пересечении первой Полевой и Паровозной у трансформаторной будки.

— Буду! — Эсмеральда колыхнула юбкой и усмехнулась: — Тебе, гад-жо, какие больше верблюды по нраву — двугорбые или одногорбые?

— Денги не забудь! — Чистик, стрельнув напоследок в ее сторону глазами, быстрым шагом двинулся в сторону автовокзала. Горох устремился за ним.

Виталька и Артем кое-как пристроились позади. Старшеклассники по центральной аллее удалялись к стоянке междугородних автобусов, а мальчишки, стараясь от них не отстать, перебежали от дерева к дереву.

Впереди громкоговоритель объявил о посадке на рейс «Псков-Ленинград». Сидящие на скамейке два киргиза в полосатых халатах равнодушно переглянулись, а притулившаяся рядом с ними бабуся в черном плюшевом жакете суматошно вскочила и, закинув за спину мешок, бегом помчалась по аллее. Поклажа у нее за спиной подпрыгивала, визжала и хрюкала.

— Дорогой, у свинья билет есть? — крикнул ей вслед один из полосатых халатов.

Бабка не ответила, лишь несколько раз взмахнула свободной рукой, словно хотела однокрыло взлететь в небо, которое как раз освободилось от пут облаков.

Выглянуло солнце, и полумрак в парке тотчас рассеялся. Это взбодрило прервавших было купание в луже голубей, вернув их к принятию оздоровительных ванн.

— Вдруг они в Ленинград поедут? — заволновался Виталька. — Или в Порхов?

— Зачем им в Порхов? — Артем, опустив портфель на землю, приостановился, чтобы отдышаться.

— Там у моего отца друг армейский живет, дядя Миша.

— Они что, с дядей Мишей вашим знакомы?

— Не знаю? — пожал плечами Виталька. — Может, козу ему хотят отдать? Он ветеринаром работает.

— Ветеринаром? — наморщил лоб Артем. — Тогда сам с ними в автобусе поедешь.

— Как?

— Притворишься чемоданом! Хорош болтать! Болтун — находка для шпиона.

Чистик и Горох между тем завернули в закуток за телефонной будкой и оба закурили. Мальчишки притаились с другой стороны телефона-автомата, надеясь, что их не заметят.

— Ты сейчас иди на Морозовскую, проверь козу, — отдавал распоряжение Чистик, — хлеба там ей подкинь, чтобы не орала, замок проверь. Завтра в школу иди, а я засачкую, надо все обмозговать.

— Чего? — не понял Горох.

— Чего-чего? У них там на Милевке цыган есть, Смоляк тот еще тип, может и ножичком, если что, почикать, как бы Эсмеральда с собой его не привела? Надо подстраховаться, сходить кое к кому.

— Надо так надо! — вздохнул Горох. — Ну что?

— Все, расход!

Комбинаторы, обменявшись рукопожатием, разошлись по разным сторонам.

— А нам что делать? К Брагину идти? — в растерянности спросил Виталька.

— Не надо к Брагину! Рано! — отрезал Артем. — Проследим, разведаем, тогда — да. А сейчас, как договорились: ты за Чистиком, я за Горохом. Если что, вечером или ты ко мне, или я к тебе. Айда!

— Айда!

*Синело небо. Было тихо.
Трещали на лугу кузнечики.
Нагнувшись, низко гречихой
К деревне двигались разведчики.*

Б. Пастернак

Улица Вокзальная протянулась с северо-востока на юго-запад на три километра, соединив две реки — Пскову и Великую. Если представить ее гипотенузой, то внутри этого треугольника попал весь район Завокзалья. До революции она именовалась Штабной, потому что на ее северном конце располагался некогда штаб легендарного Иркутского полка, входившего в состав царского гарнизона. А своим появлением отчасти она была обязана французскому архитектору Пирелю, спроектировавшему к 1860 году здание железнодорожного вокзала. Впрочем, французский проект позже был несколько изменен неким инженером Сальмоновичем, о котором мало что известно. Здание получилось видное, по местным меркам даже монументальное, изрядно вытянутое в длину с тремя взлетающими вверх ризалитами...

С тех пор утекло много воды: канул в Лету штаб Иркутского полка; переименовалась улица Штабная, а пересекающийся с ней легкомысленный Кахановский бульвар обрел революционную стать Октябрьского проспекта. Вокзальная обросла длинным рядом хрущевских пятиэтажек, а у дома 41/48 навсегда утвердилась желтая бочка с надписью «Квас», где с утра до вечера рабочий класс с появившегося однажды в здешних краях Машзавода мог утолить жажду популярным народным напитком. Кроме того, на Вокзальной разместилось несколько продовольственных магазинов, скобяная лавка, ремонт обуви, железнодорожная поликлиника, автовокзал, таксопарк и какой-то проектный институт. Но ближе к реке Великой, в южной части, она, мельчая, обрастала трущобными халупами, мрачными бараками и словно распухшими от гангрены бесчисленными кособокими сараями, в которых невесть что пряталось и хранилось.

Как раз к этому «веселенькому» местечку шаг за шагом и приближался Чистик. А за ним — и уставший сверх всякой меры Виталька, уже минут пятнадцать мечтавший забросить портфель в кусты.

— Какие люди и без охраны! — заметив Чистика, прокашлял выстриженный налысо парень лет двадцати со свежим шрамом на лице.

— Часик в радость, бродяги! — поздоровался в ответ Чистик и поинтересовался: — Во что рамсите?

— В буру на счастье, — ответил седой мужик лет сорока с морщинистым скуластым лицом. — Хочешь банк метнуть?

— Не откажусь, — сказал Чистик, пряча кепку в карман. — Какая ставка?

— Гривенник на кон, — пояснил седой.

Третий игрок с угрюмым лошадиным лицом, давно нестриженный и небритый, молча тасовал карты, то и дело засвечивая синие зековские перстни.⁹

Виталька все это время, дрожа от страха, прятался за дощатым помойным коробом среди картофельных очистков, рыбьих голов и гнилой моркови.

— Сазон, можно тебя на пять сек, — обратился Чистик к лысому со шрамом.

Они придвинулись вплоты к помойному ящику. Еще бы полшага и наступили бы на голову прикрывшегося листом картона, обмершего от ужаса Витальки.

— Говори, что надо? — хрипло откашлявшись, спросил Сазон.

— Прикроешь завтра вечером? Делюга у меня, но вдруг не фортанет, и кто-то лишний впишется?

— Что за делюга? Гоп-стоп?¹⁰

— Да нет, по мелочи фраерше-цыганке барахло скинуть. Боюсь, как бы с собой кого из цыган не привела? Вряд ли это будет, но подстраховаться надо. С меня по любому два фугаса.

— Идет, но лучше три по рубль две.¹¹

Они пошли обратно к игровому столу. А Виталька начал пятиться задом, скидывая с себя помойный мусор. Все, баста! Что надо, узнал! Домой к бабуле Дульсинее...

Изнывая от усталости, он добрел до автовокзала. На аллейке его окликнула одиноко сидящая на скамейке старушка в плюшевом жакете.

— Внучок, а не знаешь, на Порхов когда автобус?

— На Порхов? — переспросил Виталька. — Завтра, наверно. Или... — он вспомнил слова бабки Дульсинеи, — в воскресенье на Расслабленного.

— Вот и я думаю, — сморщенное, как печеное яблоко, бабкино лицо, двинуло всем скопом морщинам, — подохнет пороса. — Она тряхнула живой хрюкающий мешок, отчего тот превратился в визжащий.

— А вы не к дяде Мише-ветеринару едете? — как бы между прочим поинтересовался Виталька.

— Откель знаешь? — бабка, кажется, ничуть не удивилась вопросу. — К ему, родимому. Наш-то Поликарпыч, Царствие Небесное, помер, вот племянница меня и наладила, вези, мол, в Порхов пороса, там дохтур хороший, а не то сдохнет, а у нас и так, куды не глянь, убыток, Господи, помилуй! Везу. А сами-то мы Шабановские, на Яблочной живем.

— Увидите дядю Мишу, передайте, наверно, скоро доставлю к нему козу Джалиль, — попросил Виталька и добавил: — Вот только фашиста поймает!

— Нонче и передам, — пообещала бабка.

Громкоговоритель сообщил, что заканчивается посадка на рейс «Псков — Москва».

— Ась? — воскликнула старушка. — Мой? Побегла я! — Она схватила мешок и опрометью понеслась к месту посадки.

Виталька, приволакивая портфель по земле, побрел к дому. Чтобы идти было полегче, напевал «Орлята, учатся летать». В переулке радио со двора Молчуновых сообщило, что Генерал Шарль де Голль ушел с поста президента Франции, передав пост председателю Сената Алену Поэру до проведения новых президентских выборов.

Дядя Саша Стрельников, перекапывающий вилами клумбу в палисаднике, приостановился и, заметив Витальку, усмехнулся:

— Лучше бы Гречке нашему передал, больше бы было толку.

— А я бы Буденного назначил, — с серьезным видом сказал Виталька.

— Ты у нас прямо Дом Советов, — еще шире усмехнулся дядя Саша. — Да, диверсанта-то не поймали?

— Ловим. Мы с Артемкой почти выследили фашиста, еще чуть-чуть и схватим, — пообещал Виталька.

— Если что, я рядом, — дядя Саша потянул в воздухе вилами. — Наш бронепоезд, как говорится, на запасном!

— А вы что, чеснок сажаете? — Виталька подошел вплотную к забору и ухватился за перекладину.

— Нет, настурцию. Маша моя к сестре уехала, приходится мне.

Посаженный на длинную цепь Мухтар, приткнув к забору мохнатую морду, лизнул руку мальчишки.

— Служи, Мухтар! — Виталька потрепал его по носу.

— Отставить! — внезапно рассердившись, закричал дядя Саша. — Фу! Чужой! — Он грубо за ошейник оттащил собаку к конуре и пинком загнал ее внутрь.

— Какой же я чужой? Я свой! — удивился Виталька.

— Для собаки все чужие, кроме хозяина, — уже спокойнее, взяв себя в руки, сказал дядя Саша. — Иначе, какой она сторож?

Виталька в растерянности отшагнул назад. В это же мгновение у Молчуновых голосом Магомаева загрело радио:

По переулкам бродит лето,
Солнце льется прямо с крыш,
В потоке солнечного света
У киоска ты стоишь...

Виталька, уже чуть отдохнувший, стрелой метнулся домой. Бабушка Дульсинея, будто бы только его и ждала, тут же усадила обедать, заставив прежде помыть руки.

— Тетя Маруся Стрельникова к сестре уехала, — поделился новостью Виталька, вываливая в миске с супом сметки покрупнее.

— Ешь подряд, не выбирай! — с нарочитой строгостью сказала бабушка. — А Марусю не видела давно, дай Бог ей здоровья. Вот пойдем с тобой в церкву, свечку поставим за здоровье, записку напишем.

— А что в церкви, Бога там увидим? — спросил Виталька, заканчивая хлебать суп.

— Бога никто не видел, на Него не смеют Ангелы взирати, — серьезным голосом ответила бабушка. — Батюшка тебя причастит Святыни, ты ему покаешься, научу как.

— Эх, — вздохнул Виталька, — мне бы фашиста поймать.

— Вот и поймаешь, — бабушка подала ему жареную картошку с луком. — У нас как? Знай, не унывай, на Бога уповай! Бог все управит, так батюшка говорит.

Одолев стакан компота, Виталька отправился в сарай за наживкой. Пока гладил подхалимски машущего хвостом Черныша, молчуновское радио сообщило, что сегодня городской исторический музей города Каунаса подготовил передвижную историческую выставку «Ленин и Литва», и на карте республики отражены пути, по которым в Россию перевозилась Ленинская «Искра».

В школьном музее тоже висел стенд про «Искру», из которой возгорится пламя. Виталька думал, что это про пожарников, оказывается и про Ленина. Наверно, Ильич тоже тушил пожар?

Стамеску постарался положить на тоже место, что и раньше, и тут же дунул в свою засаду. Когда держал дедов «струмент» в руке, сердце неприятно кольнуло. К чему бы? Может, фашиста поймают наконец?

Радио навевало скуку, рассказывая, что в стране продолжается обсуждение колхозного устава, что создание и укрепление колхозного строя

явилось величайшим достижением всего советского народа, а основой формирования нового общественного уклада в деревне стал Ленинский кооперативный план... Из всего этого Виталька понимал только одно: страна живет, трудится, строит коммунизм! Поэтому его долг, как пионера, скорее поймать фашиста!

Внимание, кто-то приближался! Ага, соседка! Мимо него птичкой пропорхнула Маринка в коротком платье из зеленого сукна с удлиненным жакетом — стройная, длинноногая, с красиво распущенными по плечам каштановыми волосами, похожая чем-то на спортсменку Нину из «Кавказкой пленницы».¹² Она размахивала белой сумочкой с золотым замочком и тихо напевала: «В кухне я тружусь, тружусь, с печкой я вожусь, вожусь и всегда в золе я...»¹³

Заметив лежащую на дороге стамеску, приостановилась, чуть тронула ее носком туфельки и тут же полетела дальше. Наверно, к Витьке Гороху спешит? У Витальки разом испортилось настроение. Вот вырасту, надаю ему! А с Маринкой сам ходить буду!

Из кустов крапивы прямо в его засаду заглянула черно-белая кошачья мордочка. Мурзик! Виталька протянул к нему руку, но кот, капризно мяукнув, исчез в зарослях. И как ему не колко? Радио у соседки замолчало. Закрылось на обед? Или у кого-то из Молчуновых наконец-то заложило уши? Тишина, как натянутая струна, чуть вибрировала. Даже дальних паровозов не было слышно. Виталька попробовал считать скворцов... Один... три... пять... десять... Бросил. Скорее всего, это одна и та же, обитающая в их саду небольшая стайка, кружила над участком в поисках пропитания?

И вдруг нетрезвыми мужскими голосами запела улица:

Шумел камыш, деревья гнулись,
А ночка темная была...

К их дому нетвердой походкой подходила давешняя парочка от павильона «Пиво-воды» — Пан и Юрка Гаврилов. Оба пьяные «в хлам», как называла это мама, папа же говорил — «в дым», а бабушка — «вусмерть». В общем, оба, держась один за другого, едва не падали. Кабана с ними не было. Быть может, где-то прислонился к забору и заснул? Солировал, сильно заплетаясь языком, Юрка:

Одна возлюбленная пара
Всю ночь гуляла до утра...

Наживку они не заметили. А кто кого держит, стало понятно, когда они остановились и чуть отодвинулись друг от друга. Юрка тут же упал на колени руками вперед, петь он больше не пытался, просто что-то бормотал. Пан же стоял на ногах еще вполне твердо. Он подхватил товарища подмышками и подтащил к забору Стрельниковых, где трава росла погуще.

— Юр-дон, — сказал он, растягивая слова, — мне позарез деньги нужны, ты все равно по бухлу зарплату потерял бы. Если бы не я, тебя бы еще в парке бакланы обласкали.¹⁴ Лучше я возьму.

— Не-а! Мне отцу... на День Победы... подарок... — замычал Юрка.

— Сказал же, потерял, значит потерял! И забыл! — Пан нанес кроткий злой удар ему в голову, отчего тот сразу сунулся лицом в траву и зачих.

Пан запустил руку ему в карман, достал черный потертый бумажник. Пересчитал деньги, но прибрать их себе не успел... Что-то произошло с

Виталькой: он пружиной взвился из своей засады в воздух и выскочил на дорогу.

— Руки вверх! Это ты фашист! Ты арестован! — закричал он отчего-то осипшим голосом.

Во дворе зашелся неистовом лаем Черныш, у Стрельниковых загрозотал кавказец Мухтар. Пан от неожиданности присел, втянул голову в плечи, испуганно огляделся и зашипел:

— Молчи, щенок, прибью!

Виталька налетел на него и, как по барабану, застучал ему по груди:

— Не смей трогать! Ты арестован!

— Молчи... — Пан ухватил мальчишку за плечо возле шеи и с силой сжал. — Придушу поганца!

Но Виталька, не чувствуя боли, продолжал лупить его руками почему зря.

— Я тебя запомнил! — задохнувшись от злобы, процедил Пан. — Скажешь кому, дом ваш спалю!

Швырнув бумажник на траву, он сломя голову кинулся прочь из переулка.

— Что там, Черныш? — услышал Виталька голос бабушки Дульси-неи.

Он, на нетвердых ногах, пошатываясь, доковылял до своей засады.

— Кто шумит? — почти одновременно с бабушкой подал возглас дядя Саша Стрельников. — Кому неймется?

Бабушка тем временем вышла за калитку и, увидев лежащего на траве мужчину, вскрикнула:

— Батюшки-светы! Никак убили кого?

Подошел дядя Саша и, перевернув тело на спину, пощупал у лежащего пульс.

— Жив... — сказал он, усмехнувшись, — Юрка Гаврилов, пьяный в дрова. Погоди, задаст ему батя!

— Батюшки-светы! — опять воскликнула бабушка. — Тут и кошелек его лежит! — она подняла черный бумажник. — Гляди-ка, с деньгами вроде? Надо Нюре сказать!

— И Олега с Витькой позовите, — добавил дядя Саша, — если дома, пусть братана домой тащат!

Виталька ни жив ни мертв затаился в засаде. Сейчас набегут толпой взрослые, обязательно кто-то его заметит. Надо выбираться! Он, пригибаясь к земле, перебрался через канаву, проскользнул в свой огород и стрелой дунул к убежищу в зарослях крыжовника. Там уж точно никто не найдет! Краем уха слышал грозный окрик старшего Гаврилова и голос кого-то из братьев. Значит, будет дело, достанется Юрке вожжами!

Он, стараясь не затоптать бабушкин чеснок, проскользнул в лаз, уселся на прилаженный здесь для удобства пенек и перевел дыхание. Теперь ждать, час, не меньше. Плечо и шея сильно болели, но терпеть было можно, если бы не страх. Там, в переулке, он отсутствовал, а теперь выполз откуда-то из глубины и прельбно сжимал сердце. Что делать? Все расказать? А вдруг подожгут? В прошлом году Виталька видел, как сгорел дом у Витьки Железнова, пацана из их школы. Как рыдала его мать, как увезли в больницу пострадавшего от огня отца. А сам Витька все бродил и бродил по пепелищу, ковыряясь в углях палкой. Говорили, что у него превратился в утиль совсем новый велосипед. Нет, говорить никому нельзя! Ждать... Ждать...

*Доедая с маслом булку,
Братья шли по переулку.
Вдруг на них из закоулка
Пес большой залаял гулко.*

Д. Хармс. Очень страшная история

Пока Виталька прятался, радио у Молчуновых отдыхало, но как только высунул из своего убежища нос, опять заорало на всю округу голосом Льва Барашкова:

Главное, ребята, сердцем не стареть,
Песню, что придумали, до конца допеть...

И кто тут собирался стареть? Виталька с бодрим видом побежал в переулок проверить наживку. Высиживая в убежище, он переживал за дедов «струмент» и, как оказалось, не напрасно. Переулок был чист, словно его дважды, туда и обратно, вымели старой хозяйской метлой. Никакой стамески!

Что делать? Неужели фашист проходил? Или кто-то из соседей? Может, бабуля?

Он заскочил на кухню, уселся за стол и по-пионерски звонко доложил:

— Ученик третьего «а» класса Игнатов на полдник прибыл! Бабушка, давай молоко!

— Нет молока, козу сперли у Ивановых, — отозвалась бабушка, — есть немного простокваши.

— Тогда лучше воду.

— А чай будешь? С батоном и вареньем крыжовниковым?

— Сухари есть?

— Есть.

— Тогда чай с сухарем. Что у вас тут за шум был? Я в штабе дежурил, чуть не оглох.

— Юрка сосед вусмерть у забора валялся, едва деньги не потерял. Но, слава Богу, мы с дядей Сашей Стрельниковым его нашли.

— И что?

— Что? Дома спит, наверное? Отец с братом забрали.

— Ничего интересного на земле не находили? — полюбопытствовал Виталька, надеясь, что бабушка сейчас же предъявит пропавшую стамеску.

Но надеялся напрасно.

— Деньги нашли, что еще? Так... — бабушка осеклась, заметив на шее у внука расплзшийся синяк. — Это что такое?

— Бабуля... — Виталька, конечно, готовился кое-что приврать, но все равно растерялся. — Бабуля, без паники! Из-за Маринки все. Я Витьке Чесноку наподдал, чтобы не ходил с ней. Он мне наподдал. Мужское дело!

— Какое мужское дело? — всплеснула руками бабушка Дульсинея. — От горшка два вершка и мужское дело ему? Тебе отец ремнем покажет дело, а мать вместо Первомай горох заставит перебирать.

— Не надо никому говорить, бабуля! — Виталька приложил палец к губам. — Мы же свои люди, я тебе чеснок все лето буду полоть!

— Еще как будешь! — бабушка поставила перед ним чашку с чаем и

вазочку с сухарями. — И лук будешь полоть, и картошку окучивать, и огурцы поливать.

— Буду, честное пионерское!

— Что-то у меня сердце на твой счет беспокойно! — бабушка положила руку себе на грудь. — Смотри, поосторожнее, не натвори чего? И знаешь что?

— Что? — Виталька, обжегшись горячим чаем, старательно дул на чашку.

— Ангелу помолись, если что, если беда какая будет.

— Это как?

— Просто скажи: Ангеле Божий, помоги, защити!

— Помоги, защити? Ладно, так и буду делать, — пообещал Виталька.

— Вот и хорошо, — бабушка приблизилась и еще раз осмотрела его синяк. — Сейчас тебе на шею лист капусты прилажу, наденешь кофту бадлон, она к Первомаю приготовлена, но ничего, скажем, привыкаешь к обновке, а воротник все закроет. И сиди у себя в комнате мышкой. Но если мать заметит, я не причем!

— Договор! — он вскинул руку в салюте, заглотнул чай и, схватив сухарь, побежал в свою комнату.

Вечером отец по обыкновению читал газету «Правда», мама гладила белье, Виталька делал вид, что занят уроками, а бабушка вязала бесконечный шарф, неведомо кому предназначенный.

— Смотри, Галь, что пишут, — сказал отец, ткнув пальцем в газетный лист. — «Скоро в Москве откроется польская промышленная выставка. «Человек и дом» — так называется один из разделов выставки. Посетитель как бы побывает в квартирах поляков, оборудованных современной мебелью, новинками бытовой техники, телевизорами и т. д. На выставку приедут польские модельеры, которые дадут объяснения по вопросам одежды».

— Хоть бы одним глазком увидеть... — печально вздохнула мама. — Мы von до сих пор телевизора не имеем.

— Галя, ты знаешь, что мы стоим в очереди! — с обидой в голосе ответил отец. — Если брат «Рубин», так еще четыре месяца стоять, а если черно-белый «Рекорд», то через два.

— Сколько твой «Рубин» стоит? — мама вопросительно поглядела на мужа. — Четыреста с лишним? Нам больше двух месяцев надо работать.

— Ничего, в кассе взаимопомощи возьмем, не откажут, — пообещал отец.

Во дворе залаял Черныш, через несколько мгновений в дверь постучали.

Отец пошел открывать. Виталька насторожился: кого принесло?

Отец вернулся в дом с мамой Артемки Блинова Ириной Аркадьевной, широкоплечей невысокой женщиной с желтыми, мелко завитыми волосами, работавшей кондуктором на автобусе.

— Вы моего Артемия не видели? Не у вас он часом? — спросила она со слезой в голосе. — До сих пор из школы нет. Я уже все улицы оббежала. Не у вас?

— Нет, у нас не было, — ответила мама. — Сын, — позвала она, — не знаешь, где Артемка пропал?

— Нет! — твердо сказал появившийся на зов матери Виталька. — Только в школе его видел.

— Ладно, побежала к Брагину! Простите! — хлюпнула носом Ирина Аркадьевна. — Ну, я ему задам, как найду! Век не забудет!

Пока отец запирал за гостевой дверь, мама, внимательно разглядывая Витальку, спросила:

— А чего это ты вырядился? Зачем обновку надел?

— Готовлюсь к Первомаю, привыкаю.

— Привыкай, только не измазюкайся, бадлонка вон светлая какая.

— Так и я сейчас оденусь в новое, — пошутил отец, — и я хочу привыкать.

— Ты лучше дверь входную иди смажь, — строго наказала мама, — скрипит, как телега у тети Фроси.

— Это у деда Кузьмы скрипела! — отбоирился отец. — А у тети Фроси самовар на испанском «Гренаду»¹⁵ напевал.

— Скажи-ка, запевала, — мама опять взялась гладить белье. — А что там, кстати, с фашистским диверсантом? Скоро поймают?

— Скоро только в сказке бывает, — пожал плечами отец. — Занимаются, наверное? Я так думаю, если брать наших соседей, то лучше Ивана Васильевича Громова, кулака и мироеда, на эту роль никто не годится. Я бы его в первую голову проверил.

Мама, пожав плечами, ничего не ответила. А Виталька, отложив слова отца в памяти, ускользнул в свою комнату. Присел в задумчивости за стол. Что же случилось с Артемом? Пошел за Чесноком и куда пропал? Виталька достал строго секретную тетрадь и на второй странице написал: «План № 2. Спасаем Артемку. Искать вместе с козой на Морозовской ветке». Где? Он задумался. Если направо, там переселенцы Грошевы, Мамедовы, Курбановы, Грызуновы. Если налево — библиотекарша Ильюнина, Хомяковы, Доронины... Дальше пустырь, кусты, болотце... Так, болотце. А за ним? Что за ним? Ах да, будка путевого обходчика, дверь заколочена. Будка! В голове у Витальки словно вспыхнула лампочка. В будке козу и спрятали, больше нигде! И Артемка туда пошел. Значит, там его и надо искать. Договор! Вот только родители не пустят, надо тайно выбирать и кое-что с собой взять. Жаль, стамеска пропала, пригодилась бы. Ничего, у деда всего полно!

Бадлонку пришлось снять, не хватало еще, как сказала мама, ее извазюкать? Виталька переоделся и приготовился ждать момента. Пусть все уснут! Хорошо хоть фонарик у него под рукой.

За окном стемнело, и в доме все затихло. Пора! Выход на улицу для него был один — через окно. Виталька потихонечку выбрался в сад и, не включая фонарь (вдруг заметят?), добрался до сарая. Он уже представлял, что ему может пригодиться в походе. Дедушка называл этот «струмент» фомкой,¹⁶ с его помощью он выдирает из досок старые гвозди. Надежная вещь, она, если что, и как холодное оружие сгодится. Виталька легко ее нашел, благо, хранилась та прямо на верстаке.

Он угостил Черныша сухарем, чтобы тот не залаял, мысленно представил предстоящий путь и шагнул в неизвестность. Сердце то сжималось от страха, то радостно ускорялось. Ведь что может быть лучше спасения друга? Но вдруг Артемка уже дома и видит десятый сон? Вдруг... Отставить, scomандовал он сам себе! И запел тихим-претихим шепотом: «Мы шли под грохот канонады, мы смерти смотрели в лицо...»

Как свернул в переулочек Путьца, включил фонарик. От его луча по сторонам шарахнулись бесформенные тени, от кустов и заборов из темноты потянулись к нему черные щупальца...

«Вперед продвигались отряды спартаковцев, смелых бойцов...», — продолжал петь Виталька, крепко сжимая в руке «фомку».

У двора, где жил рыжеволосый великан стоматолог, перевел дух. Из всех окон знакомого зеленого дома лился свет. Наверно читают вслух «Дядю Степу»? Вот бы к ним в гости? С противоположного конца переулка накатила грохот — это мчался неведомо куда ночной товарняк.

На подходе к 1-й Полевой заорали коты, да так, что Виталька едва не выронил фонарь. Что у них там? В атаку на немцев идут? Вспомнив про врага, представил, что вот прямо сейчас, нос к носу, встретит фашиста. Бить «фомкой»? А вдруг не попадет? Вдруг тот вперед выстрелит из своего немецкого Вальтера? «Но пулей вражеской сраженный, пропеть до конца не успел», — еще больше напугал себя Виталька и чуть не заплакал.

По 1-й Полевой он вышел на Паровозную — прямой путь к Морозовской ветке. На главной улице района горели фонари и попадались редкие прохожие. Прошел железнодорожник в форменном кителе — наверное, машинист спешил в рейс? Приземистая бабка волочила в руках два больших бидона. Витальке даже подумалось, что это не она их тащит, а они ведут ее за руки. К внукам квас несет? Навстречу проехал хлебный фургон. Ему показалось, что пахнуло запахом горячих булок. Точно, в ж/д столовую пирожки свежие везут! Он приостановился, и его тут же обогнал высокий дядька из тех, кого бабуля называла «мазутниками». Ну это, как пить дать, — ремонтник, идет домой со смены. Виталька попытался пристроиться за ним, чтобы идти не одному, но дядька скоро свернул в Бригадный переулок.

На перекрестке Паровозной с переулком Машинистов сбилась в стайку небольшая группка молодежи, брэнчала гитара, девчонки трогательно напевали:

Вдали погас последний луч заката,
И снова тишина на землю пала.
Прости меня, но я не виновата,
Что я любить и ждать тебя устала.¹⁷

Тоже мне, раскудахтались! Виталька обошел компашку по другой стороне улицы. Тут козы пропадают, школьники пропадают, а они себе веселятся? Попрыгуньи-стрекозы!

Уличное освещение на Паровозной иссякло, пришлось снова включать свое.

Выйдя на насыпь Морозовской ветки, Виталька огляделся. Луч его фонаря протянулся сначала в одну сторону железнодорожного полотна, потом в другую, но дотянуться никуда не мог, везде его сжирала непробиваемая тьма. Эта железная дорога, начинаясь на станции «Березки», пересекала район Завокзалья с востока на запад и, повернув на юг, упиралась в «Псков-Товарный». Грузовые составы передвигались здесь крайне редко, иногда гуляла увлеченная романтическими думами молодежь, воодушевленная известной песенкой «И я по шпалам, опять по шпалам иду домой по привычке...»¹⁸, еще реже бродили козы, принадлежащие окрестным любителям молочка, шныряли пронырливые коты, оставляли метки склочные паровозные собачонки. И если уж совсем в исключительных случаях кто-то здесь бесследно пропадал, то на помощь приходили бесстрашные пионеры-искатели, такие, например, как Виталька Игнатов и Артемка Блинов. Происшествий с исчезновением самих пионеров пока не наблюдалось. Но, как известно, однажды все происходит в первый раз...

С левой стороны тьма явно была пожирней. Виталька тяжело вздохнул:

ему как раз туда! Пионеры не сдаются! Он взмахнул «фомкой» и зашел: «На бой кровавый, святой и правый марш, марш вперед, рабочий народ».

Пока шел мимо домов, страх одолевал несильно. Но как только забор последнего участка сменился темной полосой кустарников, повеяло жутью. Кто-то невидимый скрипел во мгле зубами, трещал ветками, царапал когтями по камню... Виталька чувствовал, что уменьшается в росте и силы через сандалии утекают куда-то в землю. Фонарик в его руке подпрыгивал, фомка дрожала. Но все это были еще цветочки, ягодки ждали впереди...

Их было две — две яркие желтые ягодки прямо по курсу. Совсем не добрые. А если учесть, что они еще и рычали, то вышло, что они очень даже злые. Виталька подумал, что сейчас его кто-то будет есть — или по частям, или всего целиком. Ни то, ни другое его не устраивало. И что делать? Звать бабушку с ее грозным половником? Бабушку... Что бабушка там говорила, если беда? Кого просить? Ангелу помолись, говорила...

— Ангел Божий, помоги, защити! — вслух сказал Виталька и крепко зажмурился.

Он слышал, как бьется его сердце, как оно отсчитывает мгновения — одно, два... пять... десять... Ничего не происходило. Виталька открыл глаза. Никаких желтых ягодок нигде больше не горело. От сердца разом отлегло, словно он только что выпил стакан теплого бабушкиного молока. И идти стало не страшно, он даже прибавил шагу. Ага, вот и тот самый домик путевого обходчика.

Окно было заколочено досками крест-накрест. На двери висел замок.

— Эй, есть кто-нибудь? — Виталька постучал в дверь фомкой. — Джали?

— Бе-е-е! — отозвалась коза голосом, очень похожим на Артемкин. — Открывай, дурень!

— У меня ключа нет, — растерялся Виталька и зачем-то переспросил: — Джали?

— Джали, Джали! Если нет ключа, ломай замок.

Виталька попытался применить дедов «струмент», но фомка несколько раз срывалась, преобильно ударив его по ноге.

— Кому-то сейчас по шее дам! Давай скорее! — донеслось грозно из-за двери.

Наонец у Витальки получилось: шурупы из подгнившей доски выскочили вместе с проушиной, накладкой и самим замком.

Дверь приоткрылось и наружу с ошалелым видом высочил Артемка.

— Где этот гад Горох? Убью! — заорал он.

Тут дверь с грохотом распахнулась во всю ширь и из дверного проема рогами вперед черной торпедой выпросталась коза Джалиль. Взлетев на насыпь, она бешеным галопом поскакала по шпалам в сторону Паровозной. Несколько секунд ее топот был слышен, но вскоре все затихло.

— Похоже, вопрос с козой решили, — успокаиваясь, сказал Артемка, — надеюсь, дорогу домой найдет.

— А что с тобой? Как ты сам здесь оказался? — нетерпеливо спросил Виталька, направив луч фонаря на чумазое лицо товарища.

— Убери свет, — поморщился тот. — Пойдем, дорогой расскажу.

Итак, сначала все происходило согласно плану. Артемка следовал за Витькой Горохом до самой будки обходчика. Но дело, как оказалось, исполнил небрежно, потому что был замечен Горохом. Когда они прибыли на Морозовскую ветку, тот напал и, используя превосходство в росте и физической силе, скрутил разведчика-пионера, связал ремнем и запер в будке вместе с козой Джалиль.

— Посидишь до завтра, ничего не случится, с голоду не помрешь! — сказал Горох на прощание, запирая замок.

Пока шли, Виталька поведал свою часть истории про картежников-бандитов и планы Чистика.

Они уже достигли Паровозной и подходили к первому, горящему на столбе, фонарю.

— Меня эта коза-дереза несколько раз чуть на рога не подняла! — Артемка неведомо кому погрозил кулаком. — На столе от нее прятался! А как стемнело, знаешь, что было?

— Нет, — пожал плечами Виталька.

— Кобель огромный, откуда ни возьмись, начал на дверь кидаться, так ему хотелось сожрать эту жирную козу!

— Откуда он про нее узнал?

— Блеяла как ненормальная!

— Этот кобель и меня хотел сожрать, — признался Виталька, — я чуть в штаны не наделал.

— Повезло! — усмехнулся Артемка. — Так, дальше план такой: банду надо брать! Поэтому ни ты, ни я завтра в школу не идем, чтобы не стало известно, что кое-кто уже на свободе. Пусть собираются, где договорились, а мы там их и накроем!

— Мы? — сильно удивился Виталька. — Как? Рогатками напугаем?

— Ну, не мы лично. Я сейчас Брагину записку напишу и подкину под дверь, что завтра банда цыган и бандитов соберется в десять вечера на 1-й Полевой, чтобы... — Артемка почесал затылок, — чтобы... Ага, придумал! Так вам! — он с ехидцей в голосе хохотнул. — Чтобы ограбить электрическую будку и забрать ценные провода и лампочки! То-то их всех арестуют! И Чеснока! И Чистика!

Они остановились у поворота на улицу Молодежную.

— Чеснока надо! — согласился Виталька и поинтересовался: — А мамке что скажешь? Она к нам приходила, тебя искала.

— Скажу, в футбол пошел играть на Кирпичи, на обратном пути заблудился, еле дорогу нашел.

Да, выдумщик Артем был еще тот! Виталька опять позавидовал другу. Он сам так бы не смог!

— Расходимся! Домой пойду, — Артемка кивнул подбородком в темноту Молодежной, — мне еще записку писать. В общем, все по плану!

— Договор!

— Айда!

— Айда!

* * *

*Мы из уличный пили колонки,
не боясь подхватить что-нибудь,
и все раны лечили зеленой,
не забыв поплевать и подуть.*

С. Ефимов

Здорово, когда ты заболел и в школу идти не надо! К утру у Витальки жутко заныли плечо и шея. Тут уж не скроешь. Мама ранним утром, увидев у сына чудовищный синяк, едва не упала в обморок!

— Что?.. Кто?.. — вскричала она, хватаясь за сердце.

— Не волнуйтесь, не хотел вас расстраивать. — Виталька старался врать как можно убедительней. — Полез за Мурзиком на дерево, сорвался и упал. Вот — ударился.

— Сроду не видал, чтобы наш ленивый кот по деревьям лазил, — не поверил отец.

— Так, я бегу вызывать врача! — засуетилась мама.

— Не надо никакого врача! — успокоила всех бабушка. — Переломов нет, а на синяк я компресс поставлю. Через два дня — как ни бывало. На Первоймой внук пойдет, как новенький, а сейчас дайте ребенку пару дней отдохнуть.

Ура! Виталька несказанно обрадовался бабушкиным словам, так бы ее и расцеловал! Он, прежде чем заснуть, миллион секунд думал, как бы ему назавтра от школы отвертеться? А все вышло само собой.

— Будь по-вашему, — согласилась мама, на бегу собираясь на работу. — Только уж вы, Евдокия Кузьминична, ему компресс такой поставьте, чтоб до печенки проняло и чтобы по деревьям зарекся скакать!

— Я уж лучше с верой да молитвой все сделаю, — пообещала бабушка Дульсинея, — так вернее станет.

Когда родители ушли, бабушка, прилаживая на шею внуку компресс, строго-настроено наказала, чтобы с кровати не вставал, дышал глубоко и молился Ангелу хранителю.

— Я твой грех на себя взяла, не подведи! — попросила она. — Сейчас в магазин за молоком сбегаю, на безкозье, как говорится и рак рыба.

— Бабушка, я бы лучше к Ивановым сходил, — загадочным голосом сказал Виталька. — Вдруг нашлась коза?

— Да уж, найдется, — проворчала бабушка, — куда там!

Через час она вернулась из магазина с круглыми от удивления глазами.

— Нашлась коза у Ивановых, говорят, ночью прибежала, орала, как оглашенная, калитку во двор рогами вышибла.

— Кто говорит? — с равнодушным видом спросил Виталька.

На самом деле его подмывало закричать во весь голос, что это они с Артемкой спасли козу Джалиль и прогнали злобного пса-козоеда.

— Тетки в очереди сказали. Вот ведь чудо, помилуй Бог! — бабушка Дульсинея засуетилась, выложила на полку продукты, достала бидон. — Пойду к Ивановым, вдруг уже молока надоили? Да и подробности узнаю.

— Джалиль привет передавай! — попросил Виталька и хитровато улыбнулся.

Как только бабушка ушла, он вскочил с постели. Так, что делать сегодня? Вытащив секретную тетрадь, он к плану № 2 приписал план № 3: «Следить за Громовыми. Вдруг дядя Ваня агент?» Виталька в этом сильно сомневался, но проверить было надо.

Но для начала он вышел в переулок и еще раз как следует все осмотрел и ощупал. Нет, дедов «струмент» бесследно исчез. Зато радио у Молчуновых никуда не делось и скучным голосом рассказывало, что «28 апреля Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Брежнев принял находящуюся в Советском Союзе с дружеским визитом по приглашению ВЦСПС делегацию профсоюзов Чехословакии во главе с членом Президиума ЦК КПЧ товарищем Полачеком. Товарищ Брежнев рассказал членам делегации о коммунистическом строительстве в Советском Союзе, пожелал рабочему классу братской Чехословакии успехов в строительстве социализма...»

Портрет Брежнева Виталик видел на стене в учительской. Его туда в прошлом году привезла завуч Ираида Андреевна, когда он разлил на парте бутылку чернил, испортив пятерочные тетради отличнице Наташе Хохулиной.

— Тебе не стыдно, Игнатов? — строго отчитывала его завуч. — Теперь твоя мать будет покупать новые тетради Хохулиной, а для школы купит новую парту, потому что старую ты привел в негодность. А отец твой будет перестилать полы в классе, потому что чернила с пола не отмыть и стены будет красить, там тоже брызги. А заодно и всю школу заставим его отремонтировать за свой счет. Вот что ты натворил, Игнатов!

— Я не специально, меня Митька толкнул, — ныл Виталька, утирая кулаками глаза.

— Ты это Леониду Ильичу Брежневу скажи, — Ираида Андреевна указала рукой на портрет. — Он нам эту школу построил, он всем детям страны школы построил, а ты... Стыдно, Игнатов!

С тех пор Виталька относился к Брежневу с большим уважением и, если где-то видел его портрет, отдавал потихонечку салют, благодаря за свою школу и за все школы Советской страны.

Хоть бы Брежнев пошел с нами на демонстрацию! И сказал бы: «Молодец Виталька Игнатов, ты настоящий пионер!» Пионер... Что?

— Привет, пионер! — это дядя Саша Стрельников махал ему рукой из-за своего забора. — Заходи, сможешь порядок навести в сарае.

— Конечно! — обрадовался Виталька и побежал в сторону соседской калитки.

Мимо них, грохоча подвеской, проехала зеленая УАЗ-«буханка».

Дядя Саша проследил за ней глазами.

— Смотри-ка, к Громовым завернул, и чего ему там? — удивился он. — Ладно, пойдём-ка поработаем.

Сарай у Стрельниковых был сработан на славу — из железнодорожных шпал, высокий, два окна на фасаде, просторный, под надежной шиферной крышей. Многие дома в Завокзалье выглядели скромнее. А уж сарай по большей части покрывались дешевой толью или рубероидом. И инструмент здесь собрался не хуже, чем у деда Валеры.

— Поддай молоток столярный и гвозди сороковку, — скомандовал дядя Саша, — будем клетку для нутрии ремонтировать.

— Сейчас! — весело отозвался Виталька. — А где ваш Мухтар?

— В вольере заперт, уму-разуму учится. Помнишь, где что лежит?

— Конечно!

Виталька ориентировался здесь не хуже, чем в их собственной мастерской. Деревянные клетки, оббитые внутри металлической сеткой, чтобы животные не грызли дерево, состояли из двух камер: для гнездования и кормления. В одной из них дядя Саша для ремонта снял крышку и положил на верстак.

— Ты знаешь, что мясо нутрий вкуснее курятины и говядины? — спросил он.

— Фу-у-у! — Виталька поежился. — Бабушка навсегда сказала, что в нашем доме крыс есть не будут!

— Почему крысы? Скорее, бобры, — чуть усмехнулся пенсионер. — Санитарная инспекция признала их годными для еды. Впрочем, сам тоже не ем. Мясо кое-кому продаю. А шкуры — Ваньке Громову, он шапки шьет. Неплохая, знаешь, прибавка к пенсии.

— Да, — вздохнул Виталька, — бабушка тоже ждет прибавку к пен-

сии, уже скоро, говорит — как рак на горе свистнет. Мы с Артемкой раков ловили, но ни один пока не свистнул. Дядя Саша, — переключился он вдруг на другую тему, — а ты любишь Брежнева?

— Леню? — с удивлением переспросил пенсионер. — Кто ж его не любит? Слышал такой анекдот? Брежнев вызывает космонавтов: «Разведка докладывает, что американцы готовят высадку астронавтов на Луну. Чтобы дать им фору, мы в Политбюро решили, что будем высаживаться на Солнце». — «Так сторим же, Леонид Ильич?» — «В Политбюро не дураки: ночью будем высаживаться!»

— Ночью темно, — кивнул головой Виталька. — А Брежнева я тоже люблю, он школу нам построил и другие школы тоже.

— Дай-ка киянку, простота гороховая, — попросил дядя Саша. — Знаешь где?

— А как же!

Виталька встал на цыпочки и протянул руку за нужным «струментом». И вдруг... у него едва не оборвалось сердце: на полке у стены он увидел знакомую стамеску с коричневой, чуть треснутой деревянной ручкой. Он схватил ее и как пропеллером завертел в воздухе:

— Ура, ты нашел! А я уж думал, никогда больше ее не увижу!

— Дай-ка сюда! — пенсионер резким движением выхватил инструмент из руки мальчика. — Это мое, на базаре покупал. — Он положил стамеску на карниз под самым потолком и скомандовал: — Все на сегодня! Беги домой!

На улице хор из Молчуновского радио грозно распевал:

Наверх, вы, товарищи, все по местам,
Последний парад наступает,
Врагу не сдается наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает.

Ошибся, перепутал? Или решил трещину заделать? А потом, такой: вот подарок! Виталька успокоился и начал подпевать: «Врагу не сдается наш гордый «Варяг»...»

Вернулась бабушка Дульсинея с полным бидоном молока.

— Теперь, слава Богу, порядок! — довольно воскликнула она. — Козу на руках носят. Говорят, в Стремутку ходила, там козел безрогий живет... Шутка! Да! Батюшки-светы! — всплеснула старушка руками. — Пана-мазунтика заростовали. Говорят, Юрка вспомнил, что это он, аспид, его ограбить хотел. Жаль, свидетелей нет. Как бы не открутился свистун?

Виталька спрятал глаза. Он же все видел. Признаться? Нет, Артемка точно сказал бы: подожди. Вот у него и спрошу. В это время громко загудел маневровый.

— Ну как Иерихонская труба, помилуй, Бог! — бабушка перекрестилась и взялась наливать себе и внуку молоко.

От постельного режима Виталька отбрыкнулся, сказав, что надо проверить чеснок: не засох ли часом? А сам пошел через огород к участку Громовых посмотреть, что там да как?

У забора соседей-куркулей разрослась дикая малина — затеряться проще некуда. Виталька видел зеленый фургончик, дядю Сашу Громова и еще одного незнакомого дядьку помоложе. Дядя Ваня называл его Петькой. Они оба загружали в машину мешки и коробки.

Вдруг пули грузят и мины? Виталька насторожился.

— Так, смотри, — дядя Ваня встал перед Петькой и начал загибать

пальцы. — Две подушки и одеяло, кое-что из одежды — это Ольга отдала из запасов; в коробке четыре шапки нутриевых, их можно будет продать. Скажи тете Нюше, чтобы не продешевила. Мешок картошки — прошлогодняя, но еще годная; свекла, морковь, коробка с тушенкой, сахара полмешка. Для погорельцев все сгодится. Передай тете Нюше, что сочувствуем, Бог им в помощь. Больше-то в деревне никто не погорел?

— Бог миловал, — Петька вытер пот со лба. — Пока у Прохоровых проживут, а там колхоз обещал выделить какой-никакой дом на центральной усадьбе, деньги вот для них собираем.

— Ах да, деньги! — дядя Ваня хлопнул себя ладошкой по лбу. — Вот от нас, тут триста рублей, чем богаты! — он протянул собеседнику конверт.

— Благодарствуем, Иван, поеду, мне еще до дома пилить и пилить! Мужчины пожали друг другу руки. Вскоре зеленый фургончик загремел железом в переулке.

Виталька выполз из кустов и побрел в свою засаду. Нет, не фашист дядя Ваня! Наш!

За деревом он просидел недолго. Гудели паровозы, пролетали поезда, а в их переулке, как говорил сосед Юрка, мышь со скуки повесилась... Да, плохо он Юрке помог, надо было наподдать Пану, чтобы искры из глаз, чтобы забыл, как в Черныша камнями пуляться. Ничего, еще вырасту, наподдам!

К вечеру бабушка Дульсинея сварила гороховый суп. Папа его любил, мама нет: говорила, что он музыкальный, но почему, не объясняла. Виталька тоже уплетал тот супец за милую душу.

Папа съел две тарелки, чуть переведя дух, выпил стакан молока и, отодвинув от себя кружку, объявил:

— Хана Олеже Панкову, ему теперь одна дорога — обратно в лагеря!

— Чего так? — спросила убиравшая со стола посуду мама. — Говорили свидетелей нет?

— На нем Юркин солдатский ремень был, он его снял с парня, пока пьяного вел. Нет, не отвертится теперь!

— Туда и дорога, ворюге мазутному! Сколько раз он Черныша нашего камнями подбивал? И мне угрожал...

— А чего ты мне не сказала, баба Дуся? Я б ему... — вскинулся отец и погрозил в окно кулаком.

— Потому и не сказала, — бабушка подхватила со стола опустевшую кастрюлю из-под супа. — Чтобы тебя еще зарестовали за драку?

— Ладно, — махнул рукой отец, — он свое получит.

Ночью Витальке снился самолет Ан-24, серебристый и быстрый, как шашка у Чапаева. На таком Артемка однажды летал с отцом в Ленинград. Виталька так сильно позавидовал, что целых два дня не разговаривал с другом. Потом, правда, они помирились и тоже два дня ходили в обнимку. Договорились, следующий раз по одному никуда не летать, а брать с собой друга.

В его сне самолет стал подниматься в небо, Виталька подпрыгнул и полетел за ним. Он увидел, что в кабине сидит за рулем Артемка. Он тоже вошел в кабину и сел рядом. Они долго летели в Ленинград, пока он не прснулся.

Утро только начиналось. Он тихонечко выбрался во двор. Черныш лишь чуть высунул нос из будки. Вот лентяй! Небо закипало оранжевым взваром, сначала бледным, но постепенно густеющим, наливающимся

ярко-оранжевым, поднимающимся выше и выше, красящим облака, из которых вот-вот должен был показаться оранжевый горнист... Виталька уже почти его увидел, еще бы немного, чуть-чуть... Но тут в переулке загрохотало. Появился дядя Саша Стрельников. Он катил перед собой тачку, в которой горбатился большого размера мешок, усаженный бурыми пятнами.

— Привет, дядя Саша! — крикнул Виталька. — Ты тоже погоревшей тете Нюше картошку везешь?

— Что? — сосед пенсионер не на шутку испугался. — Какой Нюше? Ты что тут делаешь?

— Горниста смотрю. Он по утрам на горне «Подъём» играет.

— Тьфу на тебя! — Дядя Саша плюнул и развернул тачку в обратном направлении. — Чтоб неладно было твоему трубачу!

Он покатил тачку к своему дому. Виталька видел, как он завернул в калитку, с силой захлопнул ее и что-то еще сказал напоследок.

— Не трубач, а горнист, — поправил Виталька. — Наверно, еще не починил стамеску?

Мышкой проскользнув в свою комнату, сел за стол и открыл книгу «Васек Трубачев и его товарищи». Он ее уже дважды прочитал, но она была такой интересной, что прямо-таки просила: прочти меня опять! Поди, откажи?

После того как родители ушли на работу, бабушка Дульсиня заявила, что сегодня у них особый день: надо перед Первомаем привести дом в божеский вид.

— Чтобы, как говорил муж-покойник, было так чисто, что и плюнуть некуда.

— А у тебя что, муж был покойник? А как же он говорил? — полюбопытствовал Виталька.

— Говорил, когда жив был, — немного рассердилась бабушка. — И вообще-то, это твой двоюродный дед Антип. Он, промежду прочим, на Светлое Христово Воскресение помер, мы его с красным яйцом в руке хоронили. А у нас как говорят?

— Как?

— Помер на Пасху — яичко в руку! Это значит — в Рай небесный пошел! Ты кого хочешь замучишь, горе луковое! — бабушка вручила ему веник. — Иди пол в коридоре мети.

Целый день они вместе, рука об руку, мели, трясли, скоблили и мыли все подряд. Первомай — не хухры-мухры! Думали, вот порадуются родители!

А те, как вернулись, перебивая друг друга, стали рассказывать про последнее, всколыхнувшее Завокзалье, событие.

— Вчера вечером у нас на Полевой банду цыган задержали! — выпалила мама. — Они утащить наш трансформатор хотели.

— Не банду, а преступную группу, возглавляемую цыганкой Эсмемальдой, — поправил отец. — И не утащить будку, а выкрасть ценное электрическое оборудование, у них и машина была «Москвич-407», и еще какой-то рецидивист Смоляк на подхвате.

— Откуда такие подробности? — скептически хмыкнула мама.

— Известно откуда! От нашего лекальщика дяди Кули, а ему от племянника.

— Погорите вы синим пламенем с его племянником. Попомни мое слово!

— Да, вот еще, — обратился отец к сыну. — Там и вашего школьника задержали, тоже соучастником был.

— Горох? — с надеждой в голосе спросил Виталька.

— Кто-то другой, — вспоминая, отец почесал затылок. — Ну да, Чистиков какой-то, знаешь такого?

— Знаю, — с мрачным видом кивнул Виталька. — Лучше бы Гороха.

В своей комнате он достал секретную тетрадь и записал: «Гороха не поймали. Надо вместе с Брагиным поймать». Подумав немного, добавил: «Завтра Первомай!»

* * *

*Нам майский день трудящихся Земли
Дарил весны прекрасное цветение.
На демонстрации флажки несли.
Смех, музыка и радостное пение.*

М. Шадрина

В ночь на первое мая небо шумело, словно тысячи крыльев разматы-вали на молекулы дремлющие облака. В районе Морозовской ветки в «час Быка»¹⁹ видели промышлявшую на районе бытовым колдовством бабку Кувшиниху. Одета в одну лишь белую до пят рубашу, она бегала по болоту, размахивая огромным черным пером и иногда поминая какую-то гору Броккен.²⁰ С первым светом бабка исчезла.

А вскоре стали появляться вестники Первомай: граждане и гражданки с красными флажками. Они шли по Паровой в сторону городского центра, сверкая до блеска начищенными туфлями и башмаками. Некоторые несли в руках разноцветные воздушные шарики. Вставший с утра пораньше Виталька, в белой рубашке с пионерским галстуком (нарядная бадлонка — для вечерних дел), смотрел из переулка на затейливые женские прически и гладко выбритые мужские лица, щеголяющие через одного или двух нафабранными пижонскими усиками. За несколько легкомысленным авангардом, не имеющим порой даже приличных шляп, двигалась тяжелая пехота в военных френчах и парадных пиджаках, сверкающих золотом и серебром фронтовых орденов и медалей. Тут с головными уборами все было в ажуре: за фуражками следовали шляпы, за ним поспешали кепки и иногда флотские бескозырки. Кто-то уже напевал «Катюшу», кто-то «Землянку».

Мама убежала первой: у них была намечена спевка. Виталька с отцом пошли следом. Впереди сверкнул подполковничьими погонами их сосед Гаврила Петрович Гаврилов. Промелькнула маленькая тетя Нюра, но ее тут же закрыли спинами сыновья Олег и Витька, Юрки с ними не было. Отец форсил в темном в мелкую полоску выходном костюме, ворот его белой рубашки был вольно распахнут. Он глубоко вдыхал воздух и с шумом выдыхал. Казалось, он хочет запеть, но никак не может решиться. Зато у депо, где формировалась колонна работников железнодорожного транспорта, во всю гремел оркестр и хор из путевых обходчиков и кочегаров слаженно исполнял «Весенний марш» Дунаевского:

Восходит солнце ясное.
Блестит в траве роса.
Цветут вокруг прекрасные
Мои поля, мои леса.

Пока Виталька с отцом шли к вокзалу, песня про советский народ летела за ними следом.

Легко и вольно дышится
В краю, где мы живем...

На перроне Виталька заметил недавнего знакомого по столовке мрачного Сан Саныча. Нынче он был вполне себе весел, его светло-коричневая кепка съехала на затылок, он размахивал детским красным флажком и озорным голоском напевал:

Красавиц видел я немало
И в журналах, и в кино...

Портфеля с ним не было, зато продранные брюки отсвечивали голыми коленками. Лысый Кирилыч, тоже без портфеля, стоял привалившись спиной к вокзальной стене. Он, прикрыв глаза, блаженно улыбался и пускал изо рта пузыри. Когда Виталька с ним поравнялся, он подмигнул и вполне отчетливо изрек: «Слава труду!» Виталька в ответ отдал салют.

У машзавода гудела взволнованная праздничная толпа. Отец нашел колонну своего цеха и приступил здороваться с мужиками. Витальке велел стоять на месте. Рядом какой-то дядька в тяжелых роговых очках, собрав вокруг себя небольшую группу людей, говорил речь:

— Товарищи, американский рабочий класс 1 мая 1886 года объявил забастовку и вышел на демонстрацию, требуя восьмичасового рабочего дня. Их мирная акция, товарищи, была жестоко расстреляна полицией, погибли четыре человека. Начались волнения. При их подавлении убиты еще несколько десятков трудящихся. Пятеро участников протестов были арестованы и казнены, хотя никаких доказательств их вины представлено не было. В память об этих трагических событиях, товарищи, вскоре на парижском конгрессе рабочего Интернационала 1 мая было провозглашено днем солидарности рабочих всего мира. Ура, товарищи!

Его нестройно поддержали, в том числе и Виталькин отец, вернувшийся с портретом, к которому крепилась длинная ручка. Отец опер ее об асфальт и вступил в разговор со стоящим рядом седым мужиком.

— Игнатов, держите Гришина повыше, все-таки член Политбюро! — приказным тоном сказал дядька в роговых очках. — Это вам не какая-нибудь старуха Изергиль!

Отец тут же вскинул портрет в воздух.

— Кто это? — спросил Виталька.

— Наш парторг Антон Давыдович, — шепотом ответил отец.

Неподалеку девичьи голоса стройно и ладно запевали:

Утро красит нежным светом
Стены древнего Кремля,
Просыпается с рассветом
Вся советская земля.

— Слышишь? Мама наша поет! — широко улыбнулся отец.

— Да, — кивнул Виталька, — а мне Буденного дадут?

— Не знаю, — ответил отец и притянул Витальку за плечи к себе поближе. — Все, строимся и выходим.

Город покраснел от флагов, транспарантов, воздушных шаров и перетяжек, на которых белыми буквами было написано: «Партия — наш рулевой!», «Слава КПСС!», «Коммунизм — мир, труд, свобода!», «Догнать и перегнать Америку!», «Мир, труд, май!»

По проспекту ползли задрапированные кумачом грузовики, на которых везли первомайскую наглядную агитацию: стены и башни Кремля, кузнечные горны, макеты плотины Днепрогэса и ракеты Юрия Гагарина. Позади текла нескончаемая река демонстрантов. Школьники — многие в красных пионерских галстуках — улыбались тысячами радостных улыбок. Девочки — в белых фартуках и пилотках с кисточками, мальчишки — в белых рубашках. Нарядные, красивые! Все кричали «ура», пели! Некоторые взрослые уже начинали плясать — таких, правда, пресекали.

Холодок бежит за ворот,
Шум на улицах сильней.
С добрым утром, милый город,
Сердце Родины моей!

Это пел хор при участии Виталькиной мамы. Он загордился и даже забыл про портрет Буденного, пока не увидел его в руках невысокой старушки, похожей на Бабу-ягу Акулину Ивановну.²¹ Ей, как видно, нести советского маршала было весьма непросто. Она тяжело дышала и, наверное, переживала, что отстала от своих.

— Бабуся, давай я понесу, — предложил Виталька, особо не надеясь на согласие.

Но неожиданно услышал:

— Будь ласков, милоч! Я-то в гардеробе работаю в заводской столовке. Ни сном, ни духом никакого усача не ведаю! А мне главный профком: неси, бабка, и все! Коли хочешь, так бери! Токма у меня денег нетути!

— И у меня нетути, — признался Виталька и поправил старушку: — Это не усач, а Маршал Советского Союза, командующий Первой конной армией Семен Михайлович Буденный. У нас даже первоклассники знают.

— Вот и я буду таперича знать, — беззубо улыбнулась старушка и передала Витальке советского полководца. — Бог в помощь!

— Договор! — ответил Виталька и вскинул руку в салюте.

Отец сначала рассердился, увидев Витальку с Буденным, но потом махнул рукой:

— Как там в классике: награда нашла героя?²²

У Летнего сада шествие остановилось — пропускали пивзавод, работников санэпидемстанции, хлебокомбинат и сводную колонну аптекарей. Пока стояли, кое-кто прикладывался к загодя припасенным фляжкам с горячительным. Результат не заставил себя ждать: зазвучало разудалое народное:

Ой, яблочко,
На тарелочки;
Оббирай буржуев
До копеечки!

Раскрасневшийся лекальщик дядя Коля пустился вприсядку. Вокруг него, размахивая платочками, притопывали нормировщица Вера Круглик и буфетчица Авдотья Андреевна.

— Прекрати-и-и-ить! — зашелся в крике подбежавший парторг Антон Давыдович, роговые очки у него на носу подпрыгивали. — Всех лишим 13-й зарплаты!

— А лишай! Где наша не пропадала? — крикнула в ответ Круглик и еще пуще пустилась в пляс.

Виталька все это время в гуще народа выматривал друга Артема. Где он? Со школой пошел? Или с мамкиными автобусниками?

— Двинулись! — подал команду кто-то из начальников.

Колонна резко рванула вперед. И чем ближе подходили к площади Ленина, где стояло партийное руководство, тем все более ускоряли шаг. У трибун почти бежали.

— Слава КПСС — вдохновителю и организатору всех наших побед! — гремел громкоговоритель.

— Ура-а-а! — отзывались демонстранты.

— Ускорим строительство коммунизма!

— Ура-а-а!

— Партия — ум, честь и совесть нашей эпохи!

— Ура-а-а!

Виталька кричал вместе со всеми. Ему казалось, что он слышит рядом с собою голос маршала Семена Буденного.

— За мир и социальный прогресс!

— Ура-а-а!

Не доходя до моста через Пскову, шествие, огибая Дом культуры профсоюзов, повернуло направо и сразу начало рассеиваться. Все! Теперь хоть пой, хоть пляши!

— Складывайте транспаранты, флаги, портреты в машину! — надрывался в крике Антон Давыдович.

Демонстранты, забывляясь от атрибутики Первомая, растекались по близлежащим улицам и переулкам. Домой! К накрытым праздничным столам!

— Сейчас в «Огонек» пойдем, — сказал отец, укладывая портреты в кузов грузовика, — я пивка возьму, тебе «Буратино».

— Айда! — согласился Виталька.

Они с Артемкой как-то поспорили, что вкуснее — лимонад «Буратино» или квас из бочки? Артемка доказывал, что квас, убеждая, что может выпить целую кружку за шесть копеек. А он — что «Буратино», и что он залпом одолеет целую бутылку. Спорили долго, но потом порешили: первый лучше в жару, а второй — в прохладу.

Отец купил Витальке стакан лимонада и полумесяц с розовой глазурью. Пальчики оближешь! Себе взял «Жигулевское». Из глубины шалмана появился Юрка-сосед и поманил отца за свой столик. Виталька быстро проглотил половину пирожного, остальную часть упрятал в карман, выпил лимонад и указал отцу пальцем на улицу.

— Иди, — сказал тот, — только далеко не отходи, я скоро.

Через дорогу от «Огонька» богатырской статью поднимался от земли храм Петра и Павла в увенчанном крестом медном шлеме. Он, как узник, был скован замками и закрыт, но все равно красив! Вот только теснящиеся к нему кособокий склад-сарай и падающий забор выглядели прибрудными бродягами.

Виталька прошелся вверх по улице Воровского к рынку. У Керосинки на каменной приступке сидел старый дед, утонувший в длиннополом тулупе с огромным, охватывающим голову по самую макушку, воротником. Седая борода его беспорядочно выпросталась на овчину, так что с трудом можно было разобрать, где баранья шерсть, а где стариковские космы.

Еще издали он протянул в сторону мальчишки палку и спросил древним скрипучим голосом:

— Наш ли еси или от супостат наших?²³

Виталька не очень понял вопрос, но на всякий случай ответил:

— Наш! Из пионерской дружины имени Павлика Морозова! — вспомнив, добавил: — А суп люблю гороховый, музыкальный.

На что дед сказал еще более невразумительно:

— Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых.²⁴

— Я, когда вырасту, наверно выйду за Маринку замуж, — подумав, ответил Виталька.

— Бабка позовет — иди, положишь начала будущей жизни, — заговорил вдруг дед на более понятном языке. — Живота будут лишать, молись, Бог управит.

— А вы бабушку нашу знаете? — удивился Виталька.

— Отцу-то передай: сгорит огонек синим пламенем, только пепел останется! — невпопад ответил старик.

Виталька услышал, что его зовет отец.

— Договор! — крикнул он деду и побежал обратно.

Отец выглядел довольным. Губы его лоснились, свежие пятна на пиджаке подсказывали, что он только что попил и поел.

— Ты где был-то? — спросил он, потрепав сына по макушке.

— Так, с дедушкой разговаривал. Вон он у Керосинки сидит.

— Где? — отец посмотрел в перспективу улицы Воровского. — Нет никого.

— Ушел... — пожал плечами Виталька. — Он сказал мне, что огонек синим пламенем сгорит.

— Наш «Огонек»? — переспросил отец. — Да ни в жисть, мужики не дадут.²⁵ Ладно, пойдем, у нас сегодня праздник на улице.

По пути Виталька высматривал друга, но на глаза попадались незнакомые старики со старухами да показывающие фиги пацаны. Кое-где встречались степенно шагающие ветераны в шляпах и кепках.

Наконец у железнодорожного клуба он увидел знакомый, выстриженный под ноль затылок.

— Пап, я сам домой приду, можно? — попросил он. — С Артемкой побуду.

— Ладно, недолго, — согласился отец.

Его друг стоял перед цветной афишей фильма «Новые приключения неуловимых». Изображенные крупным планом красные герои Валерка Мещеряков, Яшка Цыганков, Данька и Ксанка Щусь высматривали в дальней дали врагов рабочих и крестьян.

— Пойдешь? — спросил Артемка, не оборачиваясь, будто у него имелись глаза на затылке.

— Да, только не сегодня, — вздохнул Виталька, — у нас на улице праздник.

— У нас тоже, — ответил Артемка, повернувшись к другу своими веселыми конопушками. — Но я все равно пойду. Вот, — он показал товарищу двадцатикопеечную монету, — бабка Варя дала, я ей крыльцо поломанное подправил. Слышал, банду арестовали? Помогла записка Брагину!

— Слышал, а почему Гороха не взяли?

— Убежал, гад. Чистика тоже отпустили, он теперь в спецшколу пойдет. А ты как, фашиста не поймал?

— Нет пока, ловлю. Соседи все нашими оказались.

— Я тоже не поймал. Приходи завтра на Полеву, будем с пацанами в войнушку играть.

— Приду. А ты на демонстрации с мамкой был?

— С ней. Едва утек. Как две порции мороженого съел, так сразу тикать.

— А я «Буратино» пил, да... — вспомнил Виталька, — вот тебе половинку оставил.

Он протянул другу припрятанное в кармане угощение.

Пока тот ел, присмотрелся к афише.

— Думаю, Данька самый смелый.

— Нет, Валерка.

— Данька.

— Не Анхус ли ты филистимлянин, сын Маоха? — проскрипел вдруг у них над головой древний голос давешнего деда.

— Что? — испуганно вскрикнул Виталька. — Слышал?

— Чего слышал? — переспросил Артемка. — Паровоз гуднул, вот что.

— Да нет, дед.

— Какой дед?

Пришлось Витальке рассказать другу про встречу у Керосинки, но того это мало заинтересовало.

— Пойду, надо к Брагину заглянуть, узнать, не арестовали ли фашиста? И дома показаться, а то мать запрет на выходные в комнате. Завтра утром, не забудь, на Полевой в войнушку играем. Айда по домам!

— Айда!

Молчуновский репродуктор во всю ивановскую исполнял «Марш энтузиастов» Дунаевского:

В буднях великих строек,
В веселом грохоте, в огнях и звонах,
Здравствуй, страна героев,
Страна мечтателей, страна ученых!

Мечтатель в их переулке имелся один — Виталька. Ученых, хоть век ищи, не нашлось бы вовсе, зато героев и искать не требовалось, один за другим они приходили и садились за накрытый во дворе Гавриловых праздничный стол под белой скатертью: сам Гаврила Петрович в форме подполковника, дед Вася Молчунов, воевавший артиллеристом на 1-м Украинском, Зинаида Евгеньевна, мать Ивана Громова, три с половиной года отслужившая рядовым в пулеметной роте зенитного артиллерийского дивизиона, дядя Саша Стрельников, Маринкин дед Федор Иванович Горшков, сражавшийся с фашистами во Второй Ленинградской партизанской бригаде. Все по случаю праздника были с орденами и медалями.

Виталька тоже хотел надеть награды деда Валеры, но мама с отцом строго настроено запретили.

— Хотя бы одну? — заныл Виталька.

— Нисколько! — сердито отчитала его мама. — Заслужишь сам, тогда носи!

— Что твоя Иерихонская, хоть бы в праздник потише, — отчитала бабушка Дульсинея гудящий вдали паровоз и крикнула в глубь дома: — Галя, банку огурцов захвати и грибы маринованные, а я котлеты понесу.

Праздничный стол у Гавриловых собирали всем миром. Тетя Нюра наварила холодца и сделала салаты, бабушка Дульсинея изжарила котлеты, Громовы принесли целый таз голубцов, поклявшись, что кнутриям они отношения не имеют, Молчуновы напекли пирогов с капустой и ливером, а дядя Саша Стрельников выставил по пол-ящика «беленького»

и «красненького», как он это называл. Еще на скатерть запылила нарезанная и аппетитно посыпанная лучком селедочка в селедочнице, улеглись по тарелочкам настроганные кусочками сыр и колбаска, соленья спрятались в мисочках с цветочками, а шпроты были поданы прямо в консервных банках. Кувшины с клюквенным морсом выстроились в ряд посередине, а стаканы и рюмки прижимались к тарелкам по периметру стола. Словом, все, как на параде!

Обед начался в тишине: репродуктор Молчуновых ради такого случая отключили. Поднимая тосты за Первомай, хрустели огурчиками и грибочками; выпивая за «Мир и безопасность», закусывали селедочкой и колбаской; «Дружбу между народами» заедали горячей картошкой, котлетами и голубцами; а «Ударный труд» — пирогами.

— За Победу! — кричал захмелевший Гаврила Петрович.

— За Победу! — вразнобой вторили остальные.

Виталька, перепивший морса, на еду смотреть уже не мог. Он считал розовые бутончики на яблоне, склонившейся ветками к застолью и глазеющей каждым молодым листочком на то, как быстро пустеют тарелки.

Тетя Нюра встала с места и начала рассказывать про ужасы войны:

— Пока Гаврюша на фронте фрицев бил, я с мамой моей на Запсковье век военный коротала. Повидали мы зверства фашистские. Есть на Мироносицах братская могила, там упокоены тридцать тысяч наших людей. При больнице находились тысячи раненных советских солдат. Фашисты их разместили в гаражах, сараях, бараках, прямо на голом полу. Медикаментов не было, еду давали один раз в два-три дня. На них проверяли действие каких-то ядов. Настоящую фабрику смерти устроили фашисты. Сначала мертвых закапывали на территории больницы, а после стали хоронить на Мироносицах. Военнопленные рыли на кладбище траншеи и хоронили замученных в «госпитале» и соседнем концлагере, что был в конюшнях военного городка. Разве можно это забыть?

— Там обелиск стоит в память о погибших, — подал голос дядя Ваня Громов, — лет пять-шесть назад поставили, мы с женой ходили.

— Ходили, — кивнула сидящая рядом с мужем Ольга Громова. — А мы-то в войну в деревне Малые Холмы с бабулей-то жили, мама с папой на фронте были, а я-то — малая совсем, но помню, как глумились фашисты, на каждой избе вешали объявления «За оказание помощи красноармейцам — расстрел. За оказание сопротивления немецким властям — расстрел». За то, что пускают ночевать неизвестных лиц — расстрел, за все — расстрел! И стреляли!

Поднялся дед Вася Молчунов и, прокашлявшись, заговорил:

— Етишкина жизнь, однополчане из 106-го стрелкового корпуса Освенцим освобождали, гутарили, что там фашистское подразделения СС Т-4 разрабатывало разные способы уничтожения наших людей. Опыты на людях ставил доктор Менгель. Переливали кровь, пересаживали органы, впрыскивали химикаты в глаза, били током, морозили, чтобы выяснить, сколько стерпит человек. Етишкина жизнь, чего только не творили врачи-убийцы? Судили потом их в Нюрнберге! Но мало им человеческого суда! Им Божий суд и ад на веки вечные — вот что надо! Етишкина жизнь! — дед Вася всхлипнул и сел на место.

— Гармошка-то где? Совсем закисло, сыграли бы? — спросил Громов у Гаврилы Петровича.

— А неси! — крикнул тот сыну Виктору.

Получив инструмент, фронтовик тут же затыкнул ладным тенорком:

Темная ночь, только пули свистят по степи,
Только ветер поет в проводах, тускло звезды мерцают.
В темную ночь ты, любимая, знаю, не спишь,
И у детской кровати тайком ты слезу утираешь.

Подпевали все, даже почти не знавший слов Виталька. Только Маринка, сидевшая с краю стола, надулась и молчала, а две дочки дяди Вани Громова переглядывались и хихикали.

Потом пели «Бьется в тесной печурке огонь» и «На безымянной высоте».

Виталька видел, как дядя Саша Стрельников потихоньку встал и ушел в свой двор. Минут через десять его отсутствие заметила бабушка Дульсинея.

— А где Александр Михайлович? — спросила она у тети Нюры Гавриловой.

— У него Маруся в отъезде, скучает, домой возвратился, — ответила та.

— А Юрка-то ваш где? — опять полюбопытствовала бабушка.

— Юрка наш в хритонах своих, — громко ответил за жену Гаврила Петрович, — отбился сын от рук, и вожжи не помогают.

— Все дружки его... — многозначительно поддакнула тетя Нюра.

— А давайте нашу боевую, как в сорок первом? — со слезой в голосе, предложил Гаврила Петрович и затянул:

Споемте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.²⁶

Пели так душевно, что Виталька чуть не заплакал. Ему тоже захотелось уйти в поход, в море. Он смотрел на фронтовиков, на их ордена и думал, какая же все-таки у них страна! Никому никогда ее не победить! Хоть сто миллионов фашистов соберутся! И их с Артемкой никому не победить! Вот завтра в войнушку поиграем, увидим! Фиг этим фашистам!

Позже, засыпая, он думал, как бы поскорее изловить спрятавшегося в районе фрица? Надо все-таки Черныша взять, может он по следу найдет?

Уже погрузившись в сон, услышал древний голос старика от Керосинки: «Не надейтесь на князи, на сыны человеческия, в нихже несть спасения».²⁷

* * *

*В твоей душе полянка есть с цветами!
Цветы в душе растить мы можем сами,
Но Божья благодать нужна для них,
Как солнце нужно для цветов земных.*

Т.С. Шорохова

Первомай прокатился по стране не только волной праздничных демонстраций и эхом победных салютов, советские труженики традиционно встретили День Солидарности трудящихся достойными делами. Газета «Правда» сообщала о значительном перевыполнении плана дальневосточными рыбаками, ведущими промысел в разных районах Тихого и

Индийского океанов. Ими было добыто почти 1850 тысяч центнеров ценной рыбы, что на 101 тысячу центнеров превысило плановое задание.

В тоже время в Турции стоимость газет поднялась в два раза. В совместном заявлении редакций ряда изданий отмечалось, что начиная с 1958 года жизнь в Турции вздорожала на 200 процентов, и это вызвало увеличение расходов на выпуск газет.

3 мая директор школы Федор Васильевич вместо того, чтобы распустить всех после занятий по домам, опять задвинул на школьном дворе речь:

— Советский образ жизни, — говорил он по обыкновению энергично и пафосно, — образец для трудящихся всего мира! И советские школьники — образец для школьников всего мира! А что у нас? — он сверкнул маленькими, сегодня не в пример сердитыми, глазками. — У нас на демонстрации десятый «а» разорвал на две части транспарант «Мир, труд, май!» Представляете? Мир... — он раскинул руки в стороны, как «Витрувианский человек» Леонардо да Винчи, — ... труд и май! На две части! Позор!

— Хорошо, что не на три! — донеслось из толпы школьников.

Витальке показалось, что кричал Витька Горох. Но директор решил иначе. Не выясняя, кто смутьян, он сразу скомандовал:

— Так, Иван Махоркин, десятый «а», выйти из строя. Ко мне в кабинет!

Остальных отправили по домам.

Виталька с Артемом, огибая школу с южной стороны, двинулись к автовокзалу. На их пути стояла группа старшеклассников.

— Замели по беспределу Махру, скоро всех к хозяину наладят, — развязанным тоном говорил Чистик.

— Отпустил уже Ваньку директор, — ответил рослый десятиклассник Иванов, — даже родителей не вызвал.

— Сейчас отпустили, — хмыкнул Чистик, — завтра опять заметут.

Артем подтолкнул друга в плечо, чтобы шел быстрее. Они миновали опасную компанию и через дворы вышли к Вокзальной.

— Давай по морожке? — предложил Артемка. — У меня пятнашка есть.

— А у меня дистончик, — Виталька продемонстрировал десятикопечную монету.

Купили у автовокзала два молочных мороженых по девять копеек и пирожок с повидлом на двоих. Сели на скамейку под кленом. Отсюда уличный гул был почти не слышен. Пахло сырой травой. Просеянное через листву солнце слепило острыми лучами глаза и заглядывало в кошельки к идущим по аллее старушкам.

— Знаешь, что Махра череп из кабинета биологии спер и подложил своей классной? — спросил Артемка.

— Знаю, — кивнул Виталька, — к ней врач приходил, давал что-то нюхать. Тогда строили всех в коридоре, выясняли, кто череп утащил.

— Думали, Чистик, но он отперся. Так и не узнали, — усмехнулся Артемка и без паузы переключился на другое: — Могли вчера и второй раз линию Пантеры взять, если б Сашка Андреев домой не смылся. А так здорово было, дали фашистам по мордам!

— Здорово! — согласился Виталька.

— Давай завтра опять в войнушку?

— Не получится, с бабушкой на кладбище идем.

— Жаль. Но я все равно пацанов с Полевой и Молодежной соберу, повоюем.

— Я вот тоже со всем миром воевал... — прозвучало откуда-то со стороны.

Мальчишки повернули головы: на другом конце скамейки сидел тощий, как Кощей, дядька в надвинутой на глаза кепке с темным изможденным лицом, заросшим недельной щетиной. На нем была синяя спецовка, как у их трудовика Авдея Спиридоновича, только сильно заношенная, с заплатками на локтях. На ногах — растоптанные кирзовые сапоги. Рядом стоял солдатский брезентовый мешок с завязкой на горловине. Виталькин отец называл такие — «сидор».

— Неважный я человек — пример, каким быть нельзя, — продолжал тощий. — Там крал, там гадил, там изворачивался, врал. И все мне с рук сходило. Сжег в деревне овин, а посадили Петьку Таранова, подломил продмаг, а отвечали братья Смирновы. Мокрухи, правда, избегал, не мое это. А сел как раз за нее. Ведь Отец наш Небесный как? Долго терпит, да больно бьет! Вот я и попал под крепкую Отческую длань. Как-то в город приехал барахлишко краденое сбуть, иду вечером по улице, вижу — женщина лежит. Подумал, пьяная, подойду, сережки возьму, колечко, если есть. По пути финку увидел — красивая такая. Возьму, думаю, в хозяйстве пригодится. Взял. Ближе подошел, а женщина та зарезанная лежит. Как раз этой финкой. Меня с ней в руке вохровцы и взяли. И как я ни клялся, что не при делах, впаяли мне пятнаху. За чужую вино сел отбывать, а за мою — другие отбывали. Вот он — Божий суд! Его на кривой кобыле не объедешь! Только в тюрьме понял это, — дядька посмотрел на друзей выцветшими, как у столетнего старца глазами. — Темница приняла меня как грешника нераскаянного, а выпустила на волю очистившимся покаянием. Вам пример: грешите — надо каяться. А если будут мысли в голову приходять — соврать там, схитрить или ино что лукавое соделать — перво-наперво спрашивайте: «Наш ли еси или от супостат наших?»

Виталька вздрогнул и тихим голосом спросил:

— Вы что, деда из Керосинки знаете?

— Я много кого знаю, может, и деда твоего, — кивнул небритым подбородком дядька. — Так что, коли от врага вашего мысли будут, гоните прочь, многих бед избежите. И главное, мальцы, запомните: кто к Богу, к тому и Бог!

— Мы пойдем, — доев мороженое, сказал Артемка, вытирая руки о штаны, — нам домой!

Виталька тоже встал и шагнул вслед за другом.

— Блаженны милостивые, — обронил им вслед темнолицый незнакомец.

Они прошли метров десять. Виталька вдруг остановился, мгновение постояв, вернулся обратно. Не зная, зачем это делает, молча протянул дядьке оставшуюся у них двухкопеечную монету. Тот принял, а Виталька побежал догонять друга.

— Странный мужик, — сказал Артемка, когда они переходили через железнодорожные пути, — чего это он такое рассказывал?

— Он деда из Керосинки знает, — ответил Виталька. — Надо туда сходить проверить, там ли еще этот дед?

— Нам, главное, фашиста поймать, вот что! Смотри, Брагин идет! — Артемка указал куда-то вдаль, в глубину Железнодорожной улицы. — Догоню, спрошу! Завтра, как освободишься, заходи! Айда!

— Айда!

Молчуновский репродуктор, словно поджидая, включился на полную

громкость, и пока Виталька шел по переулку, узнал, что «большая группа молодежи Азербайджана по комсомольским путевкам отправилась на строительство Мемориального центра в Ульяновске. Эту высокую честь в социалистическом соревновании завоевали лучшие строители. Среди них каменщик Главбакстроя Джафаров, маляр «Каспнефтефлота» Кочетов, мебельщик из Хачмаса Едадаев и другие».

У забора Стрельниковых приостановился. Дядя Саша издали приветственно махнул рукой и скрылся в сарае. Пошел за «струментом»? Виталька подождал несколько минут. Дядя Саша не выходил. Мухтара что-то не слышно? Раньше и в вольере лаял, а теперь который день молчит. Обиделся? Ладно, потом зайду.

После обеда гулял с Чернышом и наблюдал, как Маринка мчится со всех ног в сторону ж/д клуба. Точно, на свидание с Горохом! Погоди уже, задам ему!

Вечером отец дулся на всех и молчал, понимая, что переспорить супругу с теткой не сможет. Не нарушив молчания, отправился спать раньше всех. Мама с бабушкой шептались на кухне, а Виталька ушел в свою комнату. Сидя за столом, слышал, как мама гремит посудой — значит, чем-то недовольна?

Вскоре она встала у него за спиной и спросила:

— Сын, ты знаешь, куда завтра пойдешь с бабулей?

— Да, в церковь на Расслабленного. Буду причащаться.

— А знаешь, что надо батюшке покаяться? Знаешь как?

Виталька помотал головой. Мама развернула его к себе лицом и усталым голосом сказала:

— Помнишь, «крошка сын к отцу пришел, и спросила кроха: — Что такое хорошо и что такое плохо?»

— Помню.

— Вот в том, что «плохо» и надо батюшке каяться.

— Ладно, Галя, — в комнату вошла бабушка, — запутаешь ребенка. Батюшка поумней нас с тобой будет, сам все разъяснит, а я сейчас внуку молитвы положенные прочитаю.

— Делайте, что хотите! — мама махнула рукой и тоже пошла спать.

Бабушка дождалась, пока Виталька ляжет в кровать, села на его стул.

— Теперь, внучок, наберись сил и терпения, — она посмотрела на него долгим взглядом. — Пить-есть утром будет нельзя, придется потерпеть до конца службы. Вот так. А теперь слушай: «Молитвами Святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас. Аминь...»

Утро для Витальки опять началось с молитвы. Словно во сне услышал он бабушкины слова: «Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе....» Открыл глаза. Бабушка сидела на стуле, словно с вечера и не уходила. Читала. Смысл молитвы ему не открывался, но он чувствовал покой и тихую радость, на душе было легко, словно там вошло солнце и поднялся в рост оранжевый горнист...

Воскресный день взял разбег бодро и празднично, словно продолжался Первомай. Правда, без флажков и шариков, без шумящей толпы, флагов и транспарантов, но манящий новизной и что-то обещающий. У вокзала мимо них промчался пассажирский поезд, и Виталька едва не улетел за ним, у него почти что выросли крылья. Хотел сказать об этом бабушке, но та крестилась и что-то шептала. Наверное, вспоминала свою Иерихонскую трубу.

У машзавода они встретили хромую старушку, тоже идущую в цер-

ковь. Она напомним Витальке про какое-то яичко, подаренное ему давным-давно на Пасху. Он этого не помнил, но «спасибо» сказал, отчего старушка зарадовалась и угостила его конфетой «барбарис», которую он по забывчивости едва не отправил в рот. Бабушка Дульсинея рассердилась.

— Тебе как об стенку горох! Нельзя! — сказала она, отбирая сладость.

Кладбище встретило их птичьим граем, прохладой и запахом прелой листвы. Виталька знал эти места, здесь похоронили деда Валеру. И в церковь они заходили, когда навещали его могилку, ставили свечи. Старухи в платках казались ему сердитыми, и он убегал на улицу. Смотрел на древние могилы с каменными крестами, на воронье, устроившее на верхушках деревьев свое пернатое царство из множества черных гнезд, и теперь каркающее, и залетающее друг другу в гости. Храм спрятался за огромными ветвистыми кленами и вязами, целиком его было не рассмотреть, только по отдельности — купол с крестом, колокольню с колоколами, белую стену с забранными тяжелыми витыми решетками окнами, входную дверь с распахнутыми железными створками.

Пока бабушка Дульсинея со своей подружкой разговаривали с другими старушками, Виталька прошелся по аллейке к черному каменному памятнику, на котором серебряными буквами было написано:

*«Коллежский советник Модест Филиппович Аполлонов
1834—1896*

Не нам, не нам, а имени Твоему»

Над могилой вилась густая стайка мошкары. Виталька попытался разогнать их рукой, но они были словно привязаны к этому месту и разлетаться не желали.

Кто такой «коллежский»? Наверно, как колеса делать советовал? Сейчас все умеют колеса делать. Виталька перестал гонять мошек и побежал к бабушке, жестами зовущей его идти в храм.

— Перекрестись! — строго сказала она. — Как я учила!

Он неловко наложил на себя крест и вошел внутрь вслед за бабушкой. В лицо пахло ладаном и жаром множества горящих свечей. Но он не растерялся, сохраняя утреннюю радость и боевой настрой.

В храме уже вовсю шла молитва. Батюшка прошел вдоль стены с кадилком, и все поворачивались к нему лицом. Был он высокий, седой, с выстриженной в круг бородой и с внимательными добрыми глазами, которые сразу подметили Витальку и даже, кажется, ему подмигнули.

Виталька едва не отдал салют, но вспомнив, что в храме надо креститься, уже более ловко осенил себя крестом.

— Молодец, так и надо, — похвалила его хромая старушка.

А в его голове мысли ходили друг к дружке в гости, как кладбищенское воронье, так что он не успевал следить и за собой, и за службой в храме.

— О свышнем мире и спасении душ наших, Господу помолимся! — восклицал батюшка.

— Господи, помилуй! — пел церковный хор.

— О мире всего мира, благостоянии святых Божиих церквей и соединении всех, Господу помолимся!

— Господи, помилуй!

Священник выходил из алтаря, кадил на развешанные по стенам иконы, которых было так много, что у Витальки разбегались глаза. Маленький старичок в подряснике носил перед настоятелем свечу.

— Паки и паки, миром Господу помолимся! — нараспев говорил батюшка.

— Господи, помилуй, — пел хор.

— Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, Боже, Твоею благодатию.

— Господи, помилуй.

«Господи, помилуй» звучало так часто, что Виталька, пытавшийся их считать, сбился со счета и считать перестал.

Чуть позже священник, воскликнув «Премудрость, прости, услышим святаго Евангелия», и начал читать очень большую книгу в тяжелой золотой обложке.

Виталька подумал, что Артемка не поверит, что такие книги бывают. Но он ему докажет! И бабушка, если что, подтвердит!

Чуть погода батюшка выходил из алтаря с золотой чашей. И все старики и старушки пели «Верую во единого Бога Отца Вседержителя...»

Потом Царские врата закрылись, Виталька подумал, что уже все закончилось и пора идти, но бабушка не пустила, сердито стиснув его за плечи.

Потом все хором спели «Отче наш». После чего Виталька опять засобирался домой, однако бабуля снова его задержала.

— Сейчас исповедь, приготовься! — шепнула ему прямо в ухо.

Но Виталька устал, слушать он уже ничего не мог, в его голове летали вороны, каркали и звали к себе в гнездо.

Тем временем батюшка вышел к людям и стал зачитывать грехи, в которых надо каяться:

— Согрешил маловерием, сомнением в том, чему учит нас вера Христова. Согрешил забвением Бога и не чувствием страха Божия. Согрешил клеветой, нетерпением, раздражительностью, гневливостью, упрямством, сварливостью, дерзостью, непослушанием....

— Господи, помилуй! — говорили люди, крестились и кланялись.

Закончив читать общую исповедь, батюшка стал по очереди подзывать верующих к аналою, у которого стоял. Витальку позвал в числе первых.

— Знаешь, как исповедоваться? — спросил он, склонившись прямо к лицу мальчика.

— Нет, — честно признался Виталька.

— А знаешь, что у человека кроме тела есть душа?

— Бабушка говорит, что у нее душа болит.

— Раз что-то болит, значит, оно есть, так?

— Так.

Есть тело и душа. За телом надо следить? Умываться, ходить в баню, чистить зубы? Так?

— Так.

— Вот и за душой надо следить, чистить ее от грязи, мусора и всякой дряни. Для этого и существует исповедь. Человек приходит в храм к священнику, вот так, как сейчас, и называет все свои плохие поступки, слова, мысли даже и пожелания. И Священник, властью, данной ему Богом, человека от этих грехов разрешает, то есть очищает. Вот и чистая теперь душа у человека. И что ему теперь делать?

— Что?

— Идти и больше стараться не грешить. Согласен со мной? Слышал грехи, которые я называл?

— Да.

— Наверное, некоторые плохие поступки из названных совершал? Каешься в них? Обещаешь стараться больше их не совершать?

Виталька недолго подумал и твердо сказал:

— Да!

— Всех прощаешь, кто тебя обидел?

— Да!

— Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатию и щедротами Своего человеколюбия, да простит ти, чадо Виталий, вся согрешения твоя... — читал священник над головой покрытого эпитрахилью мальчика, — И аз, недостойный иерей, властью Его мне данною, прощаю и разрешаю тя от всех грехов твоих, во Имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

А потом Виталька, оставшийся без грехов (как шутила позже мама), причастился из золотой Чаши Святых Тайн. И это, оказалось, как и обещала бабушка, вкусным и приятным.

Когда шли обратно, маленький старичок, что носил перед батюшкой свечу, пристроился к ним. И сразу начал рассказывать, какой необыкновенный у них настоятель отец Борис. Фронтвик. Прошел всю войну. И так он живо рассказывал, что Виталька словно все видел в кино. Как наступал будущий священник с боевыми товарищами на немцев. Вражеский огонь был такой плотный, что тот видел перед собой только желтую полосу. Бежал и слышал, как пули попадают в тех, кто рядом с ним. А он все бежал и бежал. Опустив голову, увидел, что все пуговицы на его шинели расплющены, — то есть вражеские пули, если били в него, то попадали точно в пуговицы. Подумал, Господи, как такое может быть? И сразу был дважды ранен в одно и то же место.

— То есть, вот он чуть сердцем своим поколебался, — высоким фальцетом вскричал старичок, — и сразу получил тяжелые ранения, еле выжил, потому что кровопотеря была очень большая! А сам-то батюшка говорил, что, бывало, вступают они в город, он при первой возможности идет в храм, оставляет винтовку у свечного ящика, а сам просит священника исповедовать его и причастить...

— Вот ведь чудо, батюшки-светы! — удивленно всплеснула руками бабушка Дульсинея. — Зачем усомнился, маловерный? Так выходит?

— Истинно так, матушка! — подтвердил их спутник.

— Значит, фашисты плохо умеют стрелять? — спросил Виталька.

— Нет, — ответил старчик, — это не фашисты плохо стреляли, это Господь хорошо ему помогал. Как и в писании сказано: «Яко Ангелом Своим заповесть о тебе, сохрани ти во всех путех твоих». ²⁸ Ангел охранял его: воин небесный помогал воину земному!

Вот бы стать таким небесным воином, можно было бы всем врагам надавать! И фашиста быстро найти! Виталька тут же размечтался, как побеждает он всех хулиганов, бандитов, прогоняет Гороха. А Маринка на нем женится, и они вместе помогают дяде Саше Стрельникову ухаживать за нутриями. Ба! Артемка же звал играть в войнушку?

Но никуда идти ему не захотелось. Пообедав, прилег на свою кровать и неожиданно уснул, что совсем было ему не свойственно — днем он никогда не спал. А тут, на тебе! Через два часа встал свежий и бодрый. Однако все равно никуда не пошел, а уселся за книгу «Васек Трубочев и его товарищи», думая о том, как небесные воины идут в атаку на фашистов. Среди них они с Артемкой бегут с автоматами и кричат «Ура»! Ура-а-а!

*Тихо сказала мать:
«Бойцов не редает строй,
Должен и сын героем стать,
Если отец герой».*

Н. Добронравов

Под утро ему приснились вороны, они летели гулкой плотной стаей, закрывающей небо. От шума он и проснулся. В окно, очевидно, врезалась птица, Виталька, открыв глаза, успел заметить ее мелькнувшую тень. Расстроенный, вскочил на ноги. На стекле остался след от удара. Разбилась? Погибла? Наскоро одевшись и открыв оконную створку, он выпрыгнул в сад. Осмотрелся. На земле птицы не обнаружилось, значит жива? Здорово!

Рассвет был в разгаре. Оранжево-оранжевый. Небо горело, и в небесном огне поднимался до облаков оранжевый горнист. Он трубил «подъем». Я же говорил! Вот он! Сердце у Витальке замерло от восторга.

— Будь готов! — закричал он, застыв с пионерским салютом. — Всегда готов!

— Что шумишь? — из окна выглянула бабушка Дульсинея. — Родители спят. Марш в дом, ишь, что устроил?

— Горнист трубит! — Виталька показал на кипящие оранжевым огнем облака.

Но то ли слишком много набежало их в утреннее небо, то ли солнце, передумав так ярко пылать, вдохнуло языки пламени обратно в свою раскаленную грудь, оранжевая оранжевость вдруг исчезла, сменившись на обычную прозрачную раннюю синь.

— Это ты трубишь! — поправила внука бабушка. — И если разбудишь мать, будешь чистить на всю семью картофель. Так и знай!

— Мне в школу.

— После будешь, как домой вернешься.

Как только бабушка скрылась, Виталька заскочил в комнату и улегся досматривать сон про ворон и, как надеялось ему, про горниста. Но, уснув, без сновидений проспал до звонка будильника.

В школе, как выдался момент, он, захлебываясь словами, излагал другу все события минувшего дня: про храм, большую золотую книгу, про душу, нуждающуюся в том, чтобы ее чистили, как и тело; про маленького дедушку и героя-священника, которого не брали пули фрицев. Артем слушал в одну восьмую уха, его мучали плохие воспоминания и разбитые надежды: в воскресенье, играя в войнушку, он упал с горки в канаву, порвал штаны и рубаху, расцарапал лицо. За это его на месяц лишили кино в ж/д клубе, мороженого и любимого кваса.

— Кваса-то за что? — хныкал он. — Сами говорили — лекарство для живота!

— Ремень тебе лекарство! — пугал отец.

И от слов тут же перешел к делу, от чего у Артемки на ногах остались красные следы. Так что из всего Виталькиного рассказа он услышал лишь одно слово: «Фриц».

— Поймаем, гада! — сказал он угрожающе, сжав правую руку в кулак. — Попомнит еще!

Возвращаясь домой, Виталька встретил в переулке Маринку: она шла, прикрыв лицо ладошками и всхлипывала.

— Марин, — окликнул он соседку, — что случилось?

Но та лишь отмахнулась и, прибавив шаг, зашпешила к своему дому.

Небось, Горох обидел? Наподдам ему! Но досталось, прежде всего, ему самому:

— Вот тебе картошка, — непререкаемым тоном сказала бабушка Дульсинея, — вот ножик, вот кастрюля. Сколько чистить — знаешь. Едим мы много!

Чистить картошку Виталька расположился на улице прямо у крыльца. И заодно слушал молчуновский репродуктор:

Ах, как годы летят!

Мы грустим, седину замечая.

Жизнь, ты помнишь солдат,

Что погибли, тебя защищая?²⁹

Вскоре песни кончились и начались новости, которые Виталька не любил. Но куда деваться? Пока кипела работа, ушам пришлось слушать:

«Немеркнущим подвигом нашего народа — подвигом, не имеющим себе равного в истории, явилась победа над гитлеровской Германией, завершившая двадцать четыре года назад Великую Отечественную войну Советского Союза. День Победы стал праздником народной славы. В этот день советские люди вновь и вновь выражают признательность тем, кто грудью отстоял честь и независимость социалистической Родины...»

Надо обязательно сегодня сходить к дяде Саше Стрельникову, рассказать, как фрицы не могли попасть пулями в нашего солдата-священника. Фашист, который прячется, тоже не сможет попасть. Поэтому мы с Артемкой обязательно его поймаем!

Но вырваться к дяде Саше все не получалось. Сначала поужинали, и бабушка объявила Витальке благодарность за ударный труд на кухне. Мама вручила сыну картофельную медаль, похожую на настоящую только тем, что тоже была круглая. Но кто видел у военной медали глаза из клюквы и нос из кусочка маринованного огурца? Никто! Впрочем, отец с удовольствием уплел эту съедобную награду за обе щеки. А потом заставил всю семью слушать опубликованное в газете «Правда» выступление Министра обороны СССР Андрея Антоновича Гречко. Читал папа не своим голосом, а генеральским, каким, наверное, говорят все министры обороны:

— Советский парод празднует 24-ю годовщину победы над фашистской Германией. Великая Отечественная война была самым крупным и тяжелым испытанием в борьбе с ударными силами международного империализма. Она потребовала от нашего государства мобилизации всех материальных и духовных сил на отпор врагу...

Народ празднует, а мы? Виталька расстроился. Нет, надо просить дядю Сашу брать с собой Мухтара и идти ловить фашиста!

— Пренебрегая уроками истории, — продолжал читать отец, — агрессивные силы империализма создают очаги напряженности в различных районах земного шара. Они продолжают варварскую войну против вьетнамского народа и потворствуют израильским агрессорам в их военных авантюрах против арабских народов. В этих условиях Коммунистическая партия и Советское правительство принимают необходимые меры по дальнейшему повышению оборонной мощи нашего государства, боеготовности армии и флота...

— Никогда у нас больше войны не будет! — твердо сказала мама, когда отец закончил чтение.

— На все сто согласен! Если что, раздавим врага, как и фашистскую гниду! — не менее твердо добавил отец. — Дружба наших народов нерушима, а вместе мы непобедимая сила!

— Пока Господь милует, — мудро сказала бабушка Дульсинея, — а как, по грехам нашим, закончится милость, будет страшно, что сказать...

— Евдокия Кузьминична! Да вас на Соловки пора определять! — вскинулся отец. — Что «страшно сказать»? Тбилиси расстреляет Цхинвал? Киев на Москву пойдет войной? В Курск попрут фашисты? Ха-ха-ха! Да только сумасшедшие могут такое придумать! Но мы же здравомыслящие советские люди! Нет, войне не бывать вовек!

— Дай Бог, дай Бог... — вздохнула бабушка и взялась расставлять кружки с тарелками по кухонным полкам.

Виталька вышел на улицу. Смеркалось. Он потрепал за ухом скулящего Черныша:

— Потерпи! Будет и тебе праздник, вот найдем только фрица недобитого!

Подошел к дереву, где скучала его заброшенная засада. Ветер шумел в кроне, листва шуршала, будто бы роняя слова на непонятном древнем языке. Так разговаривал давешний дед из Керосинки.

— Аще бо и пойду посреде сени смертныя, не убоюся зла, яко Ты со мною еси.³⁰

Виталька слушал, но ничего разобрать не сумел.

Пора к Стрельниковым. Он посмотрел в сторону участка дяди Саши: не спит ли? В доме свет не горел. Виталька присмотрелся к саду, сплошь заросшему плодовыми кустарниками. Где-то вроде бы мелькнул огонек. Он наискосок пересек переулочек. Рядом с раскинувшимся зеленым островом кустом бузины в заборе соседей существовал пролаз. Виталька обнаружил его недавно, когда отыскивал в траве мячик — игрушку Черныша. Там на одной из досок отгнил снизу гвоздь, и ее можно было отвести в сторону. В открывшуюся щель вполне мог пролезть не обремененный полнотой десятилетний мальчик — такой, например, как он сам. Пока шел, услышал в зарослях бузины шорох. Наверное, Мурзик?

— Кис-кис! — позвал он.

Никто не отозвался. Значит, показалось. Он проник в сад и как разведчик пополз между грядок в сторону стоящей непролазной двухметровой стеной жимолости. Ее продолговатые фиолетовые с восковым налетом ягоды он очень любил, они напоминали лесную чернику. Сейчас для ягод было рановато, так что, не боясь испачкаться в их несмываемые чернила, он подполз под самый куст. С другой стороны находился вольер Мухтара. Там как раз и сидел на деревянном пеньке дядя Саша, что-то сжигая в садовом ведре.

Выскочу и крикну: «Сдавайся!» То-то дядя Саша удивится! Он подполз еще ближе. Теперь он ясно видел лицо соседа — искалеченную его часть. Дядя Саша доставал из черного саквояжа какие-то бумаги, рассматривал, что-то тихо говорил и бросал в огонь.

Что? Витальку прошиб озноб, волосы на голове зашевелились: дядя Саша говорил на немецком языке:

— Die verdammten Roten haben mich in eine Ecke getrieben.³¹

Виталька смотрел фильмы про войну, там точно так же говорили недобитые фрицы! Да и бумаги... На них он теперь отчетливо видел фашистских орлов со свастикой. Виталька хотел попятиться назад, но сил дви-

гаться не было... Он зашумел ветками и тут же выдал себя. Дядя Саша повернулся, в свете пламени лицо его было не узнать, оно походило на маску мертвеца.

— Ну что, пионер? — мужчина привстал, ухватил ребенка за ворот рубахи и подтянул к себе. — У тебя есть удивительная способность — появляться в самый неподходящий момент себе на горе.

Казалось, он совсем не удивился неожиданному гостю.

— Дядя Саша, — спросил, едва ворочая языком, Виталька, — это ты фашист?

— Ну вот, дверка-то просто открывалась? — по-волчьи оскалился мужчина. — Там фашист, сям фашист! А он, вот он — под самым боком! Очень мне повезло, — он указал пальцем на обезображенную часть лица, — что наши разбомбили тот поезд. Кто заподозрит тяжело раненного героя? Уверен, что долго еще никто ничего знать и не будет. Ты ведь никому не расскажешь?

Дядя Саша, усмехнувшись, поднял с земли огромного размера нож и помешал в ведре горящие бумаги.

— Что, боишься? — он перехватил устремленный на клинок взгляд мальчишки. — Надо бы тебя разделать, как нутрию, ты уж крови-то мне испортил! Я Мухтара, пса неверного, прирезал, хотел ни свет ни заря вывезти, утопить в мазутном озере у путей. Так нет же, ты выскочил, как чертик из табакерки. Пришлось вернуться. Вон валяется твой дружок, провялял уж весь! — мужчина указал рукой на лежащий чуть поодаль мешок в черных пятнах.

— А тетю Марусю ты тоже зарезал? — дрожа всем телом, спросил Виталька и размазал по щекам слезы.

— Вздор какой! — дядя Саша с силой вогнал нож в землю. — Жива она, я вам дезу запустил, что она у сестры. А она по путевке уехала в Болгарию и Югославию. Сюда уже не вернется. Из Югославии ее переправят в Австрию. Я сегодня в Эстонию, а завтра в Финляндию. Как — не буду объяснять, незачем. Хотя ты никому ничего уже не расскажешь. Ты что ж думаешь, я холуем советским был? На власть вашу работал? Фиг вам! Нас в школе Абвера много чему научили. Не только убивать, но кое-чему еще. Все пригодилося, когда объявились новые хозяева из-за океана, уже в первые послевоенные годы. Так что мы с Марусей, помощницей моей, на славу поработали, чего-чего, а военных секретов на железной дороге хватало. Но пора мне. С человечком одним договорился, на машине меня в Таллин отвезет. Так что будем прощаться. Резать тебя не буду, подрастерял уже навык детей резать, размяк. Я вас с Мухтаром в схрон под настил вольера опушу, давно его на всякий случай приготовил. Сверху закрою досками, тьюлю и всяким хламом завалю. Кричи, не кричи — не услышат! Да долго и не покричишь, через два-три часа воздух закончится. Так что помрешь ты смертью героя — это если найдут. А коли нет, просто сгинешь, как пес бродячий. Был пионер — и нет! — дядя Саша опять криво усмехнулся. — Давай руки, связывать буду.

Виталька вдруг перестал бояться и плакать перестал. Он, как учила бабушка, попросил помощи у Ангела. И тот явился ему — похожий на оранжевого трубача. Стрельников его не замечал, а он видел и слышал.

— Не бойся, — сказал ему Ангел, — Бог Своих не выдает!

Ангелу невозможно было не верить, тем более, в руке он держал оранжевый горн.

— Это Иерихонская труба? — догадался Виталька.

— Да! — коротко ответил Ангел.

И пока фашист вязал Витальке руки и ноги, укладывал в черную яму под вольером, Ангел трубил. Нет, его горн пел волшебную небесную песнь, от которой душа тоже пела и радовалась. В глазах Витальки все стало оранжево-оранжевым и ему показалось, что это он трубит и что это он Ангел.

— Ты что смеешься? Свихнулся? — чуть не задохнулся от злости фашист и с силой ударил мальчика по голове. — Сдохни!

Но Виталька этих слов не слышал, он плыл в невесомых руках Ангела и пел волшебную песнь...

* * *

*Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал
Сына Своего Единородного, дабы всякий
верующий в Него, не погиб, но имел жизнь
вечную.*

(Ин. 3:16)

— Что у вас за переполох? — спросила вернувшаяся из командировки медицинская сестра Ангелина Романовна из первого отделения детской городской больницы.

— А вы не слышали? — удивилась дежурная по этажу нянечка тетя Клава. — Мальчика привезли в тяжелом состоянии, в реанимации сейчас, врачи борются за его жизнь.

— Что случилось?

— Да уж случилось, не приведи Бог! — нянечка перекрестилась. — Слышали, фашиста в городе искали, который с войны прятался?

— Что-то такое свекровь рассказывала.

— Так вот он мальчика, который его разоблачил, из страха в землю живого закопал!

— И впрямь ужас какой-то! А как нашли-то мальчика?

— Тут просто чудо Божие! В кустах девочка соседская сидела, она с парнем своим поругалась и убежала из дома, чтобы поплакать в укромном уголке. Она все и увидела, как мальчонку-то зверь фашистский убивал. Побежала сразу к участковому за помощью. Слава Богу, успели!

— А фашист-то что?

— Задержали, далеко уйти не успел! У Керосинки на базаре, он там машину дождался, а на него какой-то древний дед клюкой указал постовому милиционеру. Теперь под расстрел пойдет!

— Куда ж такого нелюдя еще! А мальчик как?

— Главврач сказал, будет жить! Все с ним будет хорошо!

Надевая халат, Ангелина Романовна подошла к окну.

— Смотри-ка, тетя Клава, — воскликнула она, — небо все оранжевое, как на рассвете, а ведь дело к полудню! Не видала такого сроду!

— Да уж, чудны дела Твои, Господи! — вздохнула тетя Клава и пошла в первую палату, где кто-то плакал навзрыд. — Слава Богу за всё!

¹ Тифон — устройство на железнодорожном и водном транспорте (локомотивах, судах, маяках) для подачи громких, распространяющихся на большое расстояние звуковых сигналов (обычно при помощи сжатого воздуха).

² «Туманность Андромеды» — советский широкоформатный научно-фантастический фильм 1967 года, экранизация одноименного романа Ивана Ефремова. Режиссер Евгений Шерстобитов.

³ «Миллион лет до нашей эры» (англ. One Million Years B.C.) — фильм режиссера Дона Чэффи. 1966 г.

⁴ Советско-китайский пограничный конфликт на острове Даманском. Вооруженные столкновения между СССР и КНР произошли 2 и 15 марта 1969 года в районе острова на реке Уссури в 230 км южнее Хабаровска. Огонь был прекращен в сентябре 1969 года, а в октябре начались переговоры. Советские пограничники, введенные на остров в начале конфликта, были выведены.

⁵ «Максим Перепелица» — советская черно-белая кинокомедия, снятая на киностудии «Ленфильм» в 1955 году режиссером Анатолием Граником.

⁶ ВИА — вокально-инструментальный ансамбль. В Советском Союзе так официально именовали признанные государством профессиональные и самодеятельные музыкальные группы в 1960-х — 1980-х годах.

⁷ Сердце красавиц
Склонно к измене
И к перемене,
Как ветер мая.
С нежной улыбкою
В страсти клянутся,
Плачут, смеются,
Нам изменяя.

Ария герцога Мантуанского из оперы Джузеппе Верди «Риголетто». Перевод с итальянского П. Калашникова.

⁸ «Золотой теленок» (1968) — советский двухсерийный черно-белый художественный фильм режиссера Михаила Швейцера; первая экранизация одноименного романа Ильи Ильфа и Евгения Петрова.

⁹ Татуировки на пальцах, тюремные «паспорта», указывающие на статус уголовника, его судимости и другие факты из биографии.

¹⁰ «Гоп-стоп» — жаргонное название уличного грабежа.

¹¹ Речь идет о дешевом вине.

¹² «Кавказская пленница, или Новые приключения Шурика» — советский художественный фильм, снятый режиссером Леонидом Гайдаем в 1966 году. Экцентрическая кинокомедия.

¹³ «Песня Золушки», муз. А. Спадавеккиа, сл. Е. Шварца.

¹⁴ «Бакланы обласкали» — хулиганы обокрали (*жарг.*)

¹⁵ Песня «Гренада», музыка Виктора Берковского, слова Михаила Светлова.

¹⁶ Фомка — это инструмент, представляющий собой стальной или железный стержень с загнутым концом или обеими концами, один из которых может быть адаптирован под вытаскивание гвоздей.

¹⁷ Песня «Албанское танго», музыка Б. Конголи, слова А. Черемисина.

¹⁸ Песня «Последняя электричка», музыка Давида Тухманова, слова Михаила Ножкина.

¹⁹ По поверьям, «час Быка» — время разгула демонов. Это самое темное время суток: с часу до четырех утра, когда все замирает и ждет рассвета. У многих народов считается, что бык — существо недоброе, опасное и даже коварное, отсюда и название.

²⁰ 1 мая — день святой Вальпургии. Ночью, по народным поверьям средневековья, на свой шабаш на гору Броккен слетались ведьмы. Однако связь этого события с днем солидарности трудящихся до конца не установлена.

²¹ Акулина Ивановна (в прошлом — Баба-яга) — персонаж советского фильма-сказки «Веселое волшебство» 1969 года.

²² «Награда сама найдет своего героя» — одна из цитат 16-го Президента США Авраама Линкольна.

²³ См. Иисус. Нав. 5:13.

²⁴ См. Пс. 1:1.

²⁵ Шалман «Огонек», поставленный на месте снесенного в 1960 году храма Казанской Божией Матери, сгорел «синим пламенем» в середине 70-х, восстановлен не был.

²⁶ Песня «Вечер на рейде». Композитор Василий Соловьев-Седой, автор слов Александр Чуркин.

²⁷ См. Пс. 145:3.

²⁸ См. Пс. 90: 12.

²⁹ «Я люблю тебя, жизнь». Музыка — Э. Колмановский, слова — К. Ваншенкин. 1958 г.

³⁰ Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной (Пс. 22:4).

³¹ «Проклятые красные загнали меня в угол» (нем.).

